

ЧУЖОЙ РЕЗОНАНС

Том 1. Чужое тело

Владимир Снигур

Чужое тело

«Автор»

2026

Снигур В.

Чужое тело / В. Снигур — «Автор», 2026

Он умер по-русски: на гололёде, с кефиром в одной руке и телефоном в другой. А очнулся в теле тощего пятнадцатилетнего парня в деревне Черноречье — месте, где даже воздух кажется пропитанным усталостью и сыростью. Никаких голосов с небес, никаких «ты избранный». Только чужое слабое тело, голод, холод и вибрация глубоко в груди, которая отзывается на опасность странным холодным светом. Вчерашний хозяин этого тела оставил после себя только долг. И человек, который придёт за этим долгом уже завтра. Алексею Морозову снова пятнадцать. Только теперь вместо серверов и начальников у него лес, который забирает людей, деревня, которая смотрит сквозь него, и сила, которую он пока почти не контролирует. Первый том — о том, как начинается чужая жизнь. Медленно. Жёстко. Без права на ошибку.

© Снигур В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Последний кефир	6
Глава 2. Три дня	10
Глава 3. Левая тропа	14
Глава 4. Второй день	19
Глава 5. Последний день	23
Глава 6. Чёрные шаги	28
Глава 7. Дорога на Вайрден	32
Глава 8. Вайрден	35
Глава 9. Нижний ярус	38
Глава 10. Якорь	41
Глава 11. Кивок	44
Глава 12. Первый шаг через ров	47
Глава 13. Улицы Вайрдена	50
Глава 14. Западные ворота	52
Глава 15. Стоки	54
Глава 16. Другое укрытие	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Чужое тело

Глава

Название: Чужое тело

Автор(-ы): Владимир Снигур

Глава 1. Последний кефир

Утро началось тихо и совершенно обыденно, как начиналось уже сотни раз до этого.

Алексей Морозов лежал на спине в своей однушке и смотрел в потолок. Серый свет пробивался сквозь щели жалюзи и ложился на стену неровной полосой. За перегородкой сосед снова сверлил что-то бесконечное. В холодильнике, как он точно помнил, оставалась банка горошка с подозрительным сроком и полбутылки минералки, которая уже давно выдохлась. Ночная смена закончилась три часа назад. Сервер, который он воскрешал с двух до половины шестого, сейчас, судя по всему, снова вёл себя тихо. Начальник уже успел написать несколько сообщений разной степени истерики. Алексей их не читал. Он просто лежал и думал о том, что сегодня пятница, а значит, до понедельника ещё целых два дня, в которые можно делать вид, будто жизнь имеет какой-то понятный смысл.

В конце концов он всё-таки поднялся.

Одевался медленно, почти с ленцой. Старые джинсы, растянутый свитер, куртка, которая уже второй сезон обещала «дотянуть до весны». На ноги натянул кроссовки с подошвой, стёртой почти до гладкости. В кармане нашлись ключи, телефон и немного мелочи. Холодильник подтвердил худшие ожидания, поэтому Алексей решил спуститься в магазин у дома. Кефир, батон, может, кусок колбасы, если за ночь не поднять цены. Обычный набор человека, который давно махнул рукой на готовку.

На улице его встретил классический подарок российского двора — тонкий, почти невидимый гололёд. Дворник, судя по всему, решил, что сыпать песок до обеда было бы слишком большой роскошью. Алексей осторожно ступил на первую ступеньку, потом на вторую. В этот момент телефон в кармане завибрировал. На экране высветилось имя начальника. Он принял вызов, зажал трубку плечом и попытался одной рукой поправить пакет.

— Да, Владимир Петрович, я слушаю...

Он не договорил.

Нога уехала резко и очень обидно. Пакет взлетел. Кефир описал в воздухе изящную дугу. Мир на мгновение стал медленным и странно чётким. Алексей успел подумать только одно:

«Ну конечно. Именно кефир. Как же иначе».

Удар затылком о край бетонной урны оказался коротким и окончательным. Никакого туннеля, никакой музыки, никаких голосов из прошлого. Просто резкий щелчок, будто кто-то выдернул шнур из розетки посреди важного разговора.

А потом стало тихо.

И очень холодно.

Он открыл глаза от резкой, глубокой боли в груди. Воздух вошёл в лёгкие тяжёлым, сырым комом и сразу вызвал кашель. Пахло дымом, мокрой древесиной, прелой соломой и горькими травами. Потолок над головой был низким, из грубых тёмных балок, между которыми кое-где торчала старая солома. Под спиной оказался жёсткий топчан, накрытый грубым полотном, которое кололось даже сквозь тонкую рубаху.

Алексей попытался сесть и тут же понял, что тело ему не принадлежит.

Руки, которыми он опёрся, были тонкими, с длинными пальцами и обломанными ногтями. Кожа на них холодная, в мелких царапинах и синяках. Запястья узкие. Когда он поднял ладони ближе к лицу, перед глазами мелькнули острые скулы, тонкий нос и чужие серо-голубые глаза с тяжёлыми, усталыми веками. Голос, которым он хрипло выдохнул первое удивление, оказался выше и моложе, с подростковой ломкой.

Ему было лет пятнадцать, может, чуть больше.

Каморка вокруг была крошечной и бедной. Одно маленькое оконце, затянутое мутным пузырчатым стеклом. В углу стояла остывшая железная печурка. На полке — несколько глиняных мисок и связка сухих трав. Дырявое одеяло лежало скомканное в ногах. За дверью доносились приглушённые голоса, чей-то кашель и далёкий лай собаки.

Алексей медленно опустил ноги на пол. Деревянный настил оказался холодным и слегка влажным. Голова кружилась. В животе сидел тяжёлый, тянущий голод. Он несколько секунд просто сидел, стараясь привыкнуть к новому ощущению собственного тела — лёгкого, слабого, будто собранного на скорую руку.

Вибрация пришла неожиданно.

Глубоко под рёбрами, почти в солнечном сплетении, что-то тихо и настойчиво отозвалось. Будто внутри натянули тонкую струну и совсем чуть-чуть тронули её пальцем. Ощущение было чужим, холодным и странно живым.

Алексей замер, прислушиваясь.

Вибрация повторилась, чуть сильнее.

Он поднял правую руку и посмотрел на ладонь. Несколько мгновений ничего не происходило. Потом между пальцами вспыхнула тонкая, нестабильная нить сине-фиолетового света. Она дрогнула, будто не зная, хочет ли существовать, и погасла. Кожа на ладони осталась покалывать.

Алексей тихо выдохнул и провёл ладонью по лицу.

— Ну здравствуй, — прошептал он новым голосом. — Будем знакомы.

Он поднялся, держась за стену, и подошёл к окну. Протёр мутное стекло рукавом. За ним оказалась не улица знакомого города.

Деревня.

Низкие дома под тяжёлыми, поросшими мхом крышами. Раскисшая улица, по которой медленно брёл серый гусь. Сразу за крайними огородами начинался лес — высокий, тёмный, почти чёрный даже в утреннем свете. Дым из труб поднимался неохотно. Воздух пах мокрой землёй, прелой листвой и чем-то сладковато-горьким. Никаких проводов, никаких машин, никакого далёкого городского гула. Только ветер, редкие голоса и скрип старого дерева.

Алексей долго стоял у окна, просто глядя.

Потом тихие шаги приблизились к двери. Она скрипнула, и на пороге появилась сухая, сгорбленная старуха в тёмном платке. Лицо у неё было сморщенное, глаза маленькие и острые. Она осмотрела его с ног до головы без особого удивления.

— Живой, — сказала она хрипло. — Ну и слава богам. Я уж думала, горячка тебя добьёт. Вчера бормотал что-то про кефир и начальника. Совсем голова поехала.

Она вошла, поставила на пол глиняный горшок, прикрытый тряпицей, и добавила уже деловито:

— Жрать будешь. Каша ещё тёплая. Не богато, но лучше, чем ничего.

Алексей кивнул. Голос всё ещё слушался плохо.

— Буду. Спасибо.

Старуха хмыкнула, будто не ожидала вежливости, и уже собиралась уйти, но вдруг остановилась и посмотрела на него серьёзнее.

— Слушай сюда, Рен. Завтра приедет Жгтун. Из города. За долгом. Твой покойный дядька набрал у них столько, что теперь всё на тебе висит. Если нечем платить — заберёт. Либо в каменоломни под Вайрденем, либо ещё куда похуже. Я за тебя перед ними отвечать не стану. Сам решай, как жить дальше.

Она ушла, не дожидаясь ответа.

Алексей сел на топчан, снял тряпицу с горшка и начал есть медленно, почти осторожно. Каша была густой, серой, с редкими кусочками чего-то жёсткого. На вкус — никакая, но тёп-

лая. Голод отступил хоть немного. Пока он ел, мысли постепенно выстраивались в более-менее ровный порядок.

Он умер.

Он оказался в чужом теле.

Его теперь зовут Рен.

Он в деревне под названием, судя по всему, Черноречье.

Внутри него что-то вибрирует и иногда искрит.

А завтра придет человек, который хочет забрать его за долги.

Алексей поставил пустой горшок на пол и ещё раз посмотрел на свои тонкие руки.

Вибрация в груди тихо, но настойчиво продолжала напоминать о себе.

Он встал, подошёл к двери и выглянул наружу. Улица была почти пустой. Где-то вдалеке двое мужиков тащили бревно. Женщина с ведром шла к колодцу. Ветер доносил запах дыма и мокрой земли. Лес на краю деревни молчал — слишком уж плотно и тяжело молчал.

Алексей сделал несколько шагов по раскисшей тропинке, просто чтобы почувствовать, как двигается это тело. Каждое движение давалось с усилием. Мышцы были слабыми, дыхание коротким. Но вибрация внутри будто становилась чуть яснее, когда он двигался.

Он дошёл до колодца, зачерпнул немного воды ладонью и попробовал. На вкус — железо и тина. Пить можно. Когда холодная вода коснулась губ, вибрация снова отозвалась — коротко и отчётливо.

Алексей вытер руку о штаны и тихо усмехнулся.

— Ладно. Первый рабочий день. Классика.

Он уже собирался вернуться в каморку, когда с восточной дороги донёсся звук копыт.

Неторопливый, тяжёлый, уверенный.

Алексей медленно повернул голову.

Чёрная точка на горизонте постепенно превращалась в всадника. Лошадь была крупной и тёмной. Всадник сидел прямо, в плаще с капюшоном. Даже на расстоянии от него веяло чем-то спокойным и очень опасным.

Деревня это почувствовала раньше, чем Алексей успел что-то понять. Люди начали тихо исчезать со улицы. Двери закрывались. Ставни опускались.

Всадник въехал в Черноречье без всякой спешки. Остановился в нескольких шагах от Рена. Капюшон откинулся.

Жгтун оказался мужчиной лет сорока пяти, с жёстким обветренным лицом, короткими седеющими волосами и спокойными светлыми глазами. На щеке шёл тонкий длинный шрам. Он спешил, бросил поводья и подошёл ближе. Смотрел сверху вниз без злобы и без жалости. Просто смотрел.

— Ты Рен, — сказал он ровным голосом. Это не был вопрос.

Алексей кивнул.

— Дядька твой умер, долг остался. Теперь он на тебе. Платить тебе нечем. Силы нет. Значит, поедешь со мной. Есть два варианта. Каменоломни или продажа. Выбирай быстро.

Алексей молчал несколько секунд. Вибрация в груди поднималась всё выше, становилась плотнее, холоднее. Он чувствовал, как она почти физически давит изнутри.

— А третий вариант есть? — спросил он тихо.

Жгтун чуть склонил голову.

— Третий — ты начинаешь умолять. Сегодня мне это неинтересно.

Он протянул руку, чтобы взять Рена за плечо.

В ту же секунду вибрация внутри рванула так резко, что перед глазами потемнело. Холодный импульс прошёл по позвоночнику. Правая рука Алексея дёрнулась вперёд сама. Между ладонью и грудью Жгтуна вспыхнула короткая, безобразная сине-фиолетовая искра.

Жгтун резко отдернул руку. На коже остался тёмный след. Он посмотрел на свою ладонь, потом на Рена. И медленно, очень медленно улыбнулся.

— Ну надо же. Крысёныш кусается.

Он достал тонкую металлическую пластину, быстро что-то начертал на ней и бросил Рена под ноги.

— Три дня, — сказал Жгтун. — Через три дня вернусь. Если не найдёшь, чем меня заинтересовать сильнее долга — заберу без разговоров. И в лес лучше не ходи. Там сейчас проснулось то, чему твоя искра только помешает.

Он сел на лошадь и спокойно поехал обратно. Только у края деревни бросил через плечо:

— Не подведи. Мне редко бывает любопытно.

Лошадь скрылась за холмом.

Алексей стоял посреди раскисшей улицы на дрожащих ногах. Рука до сих пор покалывала. В груди было пусто и больно, но где-то глубже вибрация уже снова начинала тихо набирать силу.

Старуха подошла сзади и долго молчала.

Потом сказала только:

— Три дня. Это больше, чем я думала. Значит, зацепил.

Алексей медленно поднял взгляд к тёмному лесу.

— Зацепил, — согласился он хрипло. — Теперь главное — не сдохнуть раньше, чем разберусь, чем именно.

Он развернулся и пошёл к своей каморке.

За спиной тяжёлые облака медленно сползали к лесу.

А внутри него что-то чужое, холодное и очень живое продолжало тихо просыпаться.

Глава 2. Три дня

Алексей сидел на топчане и долго смотрел на металлическую пластину, которую Жгтун бросил ему под ноги. Пластина была тонкой, холодной на ощупь, с выдавленными на ней незнакомыми знаками. Он проводил по ним пальцем, пытаясь понять хоть что-то, но символы оставались просто насечками на металле. Три дня. Всего три дня. Срок, который одновременно казался огромным и до смешного маленьким.

Старуха всё ещё стояла в дверях. Она молчала долго, потом тяжело вздохнула, вошла внутрь и села на низкую скамеечку у стены, поправив платок.

— Ты его зацепил, — сказала она тихо, почти без выражения. — Это редко бывает. Жгтун обычно не разговаривает так долго. Не даёт сроков. Просто забирает. Значит, твоя искра либо заинтересовала его, либо насторожила. А скорее всего — и то, и другое сразу.

Алексей повертел пластину в пальцах, потом поднял глаза.

— А что это вообще за искра? Почему она есть? Вчера её не было.

Старуха пожала сухими плечами.

— Откуда мне знать, пацан. Ты с самого детства был слабым. Резонанс у тебя почти нулевой, все говорили. Даже на самую простую работу в поле или в лес не брали — боялись, что сдохнешь по дороге. А теперь вдруг искрит. Может, горячка что-то сдвинула внутри. Может, ещё что-то. В наших краях лучше не копать слишком глубоко, если не хочешь, чтобы тебя самого потом закопали поглубже.

Она помолчала, глядя на свои руки, и добавила уже другим тоном:

— Дядька твой был редкостный дурак. Брался за любые подработки в городе, пил после каждого заработка, играл в кости, обещал всем золотые горы и реки из мёда. В итоге набрал долгов на троих здоровых мужиков. Когда помер — всё перешло на тебя. Здесь так положено. Кровь за кровь, долг за долг. Жгтун работает на людей, которым лучше лишний раз на глаза не попадаться. Каменоломни под Вайрденем — это ещё не самый худший вариант, поверь. Там хотя бы иногда кормят. И не всегда сразу ломают.

Алексей кивнул. Информация ложилась в голову тяжёлыми, холодными пластами. Он уже начинал схватывать главные правила этого места: здесь сила решала почти всё, а слабость наказывалась быстро, тихо и без лишних церемоний. Жалость была роскошью, которую почти никто не мог себе позволить.

— А лес? — спросил он после паузы. — Что там проснулось? Ты говорила.

Старуха резко подняла голову и посмотрела на него остро, почти зло.

— Не лезь. Слышишь меня? Не лезь туда. После последних долгих дождей из чащи тянет странным. Двое уже пропали за эту неделю. Одного нашли через три дня... ну, то, что от него осталось. Говорят, старое проснулось. То, что раньше спало глубоко под корнями. Тебе с твоей искрой туда сейчас рано. Она как маяк в тёмной воде. Притянет то, чему лучше вообще никогда не светиться на поверхность.

Она встала, отряхнула подол длинной стёганой одежды и направилась к выходу.

— Каша ещё осталась в горшке. Доешь, пока тёплая. И не геройствуй зря. Три дня — это уже подарок судьбы. Используй их с умом, если он у тебя ещё остался.

Дверь закрылась с тихим скрипом.

Алексей остался один в каморке.

Он ещё раз внимательно осмотрел пластину, потом спрятал её за пазуху, поглубже под рубаху. Встал, подошёл к маленькому окну и долго смотрел на лес. Тёмный, плотный, почти живой даже днём. Кроны сомкнулись так плотно, что под ними лежала постоянная тень. Виб-

рация в груди отозвалась тихо, будто тоже смотрела в ту же сторону и находила там что-то знакомое.

— Ладно, — прошептал он в мутное стекло. — Будем работать. Как всегда.

Первым делом он решил осмотреть каморку как следует, методично, как когда-то осматривал новый серверный шкаф после чужих рук. Перевернул топчан, проверил каждую щель между брёвнами, заглянул под печурку, простучал пол. Ничего. Только пыль, старые тряпки, запах сырости и несколько засохших жуков. На полке нашлась ещё одна связка трав — сухие, ломкие, горькие на запах. Он осторожно растёр один листок между пальцами. Вибрация слабо дёрнулась в груди, но ничего особенного не произошло. Просто отозвалась и снова затихла.

Потом он вышел на улицу.

Черноречье днём выглядело ещё более унылым и мокрым. Грязь хлюпала под ногами, низкие дома с мшистыми крышами стояли криво, редкие фигуры людей старались не смотреть в его сторону слишком долго. Алексей медленно обошёл всю деревню по кругу, запоминая расположение каждого строения, каждой тропинки, каждого сарая. Привычка системного администратора никуда не делась: сначала составить карту, потом искать слабые места и возможные пути отхода.

У общего колодца он снова зачерпнул воды ладонью и на этот раз пил медленнее, внимательно прислушиваясь к себе. Когда холодная жидкость прошла по горлу и упала в желудок, вибрация отозвалась чуть яснее и громче. Не больно. Просто отчётливее. Будто вода на короткое мгновение стала для неё проводником.

Он попробовал сосредоточиться по-настоящему.

Представил, что ловит эту вибрацию так же осторожно, как когда-то ловил нестабильный сигнал на старом осциллографе в серверной. Медленно. Без давления. Не заставляя, а просто слушая.

Между пальцами снова вспыхнула тонкая нить сине-фиолетового света. На этот раз она продержалась почти три полных секунды. Холодная, дрожащая, нестабильная. Потом погасла, оставив после себя лёгкое онемение во всей кисти и короткий, неприятный привкус железа во рту.

Алексей выдохнул сквозь зубы и опёрся спиной о влажный сруб колодца.

— Медленно, — сказал он вслух, почти беззвучно. — Очень медленно. Без рывков. Как с кривым железом.

К середине дня он уже знал деревню почти наизусть. Семнадцать жилых домов. Один общий сарай с дырявой крышей. Колодец. Небольшой загон, в котором куры и гуси копошились в грязи. Две узкие тропинки, которые сразу уходили под тёмные кроны леса. И одна относительно широкая дорога на восток — та самая, по которой уехал Жгтун и по которой, судя по всему, можно было добраться до Вайрдена, если очень повезёт и очень сильно захочется.

Люди по-прежнему сторонились. Только тощий мужик с изрезанным шрамами лицом, которого Алексей уже видел накануне, коротко кивнул ему, когда они поравнялись возле крайнего дома.

— Ты ещё здесь, — сказал мужик хрипло. — Уже неплохо для начала.

— А куда я денусь, — ответил Алексей так же спокойно.

Мужик хмыкнул, достал из кармана мятую самокрутку, чиркнул огнём и затянулся.

— Некоторые уже к этому часу в лес уходят. Думают, там можно спрятаться от таких, как Жгтун. Глупо. Лес сейчас хуже любого сборщика долгов. Он хотя бы разговаривает перед тем, как забрать. Лес — нет.

Он выпустил дым в сторону и добавил уже совсем тихо, почти не двигая губами:

— Если совсем припрёт и выбора не останется — ищи старый Гнилой Пень. Это место глубоко в чаще, если идти по левой тропе и не сворачивать первые тысячу шагов. Говорят, там

когда-то давно кто-то прятался от таких же людей, как Жгтун. Но это слухи. Очень старые. Я бы на твоём месте не проверял. По крайней мере, пока не станет совсем плохо.

Мужик затоптал самокрутку в грязь, кивнул ещё раз и ушёл к своему дому, оставляя после себя запах дешёвого табака и странное ощущение, что этот короткий разговор был совсем не случайным.

Алексей вернулся в каморку только под вечер, когда небо совсем потемнело и мелкий дождь снова начал капать. Голод к этому времени уже крутил кишки. Старуха, как и вчера, оставила у порога миску с жидкой похлёбкой. Он ел медленно, почти без вкуса, и всё это время думал.

Три дня.

За три дня нужно было либо найти что-то достаточно ценное, чтобы заинтересовать Жгтуна сильнее простого долга, либо научиться хоть немного управлять этой проклятой искрой, либо понять, куда можно сбежать так, чтобы не сдохнуть в первые же часы от холода, голода или от того, что проснулось в лесу.

Лес пугал. Но одновременно и тянул. Вибрация внутри каждый раз становилась чуть громче и настойчивее, когда он смотрел в сторону чёрных крон.

Ночь пришла рано и тяжело. Дождь усилился, барабанил по крыше мелкой дробью. Алексей лежал на топчане поверх дырявого одеяла, слушая собственное дыхание и тот тихий, непрерывный гул, который теперь жил у него в груди. Он пытался ловить вибрацию ещё осторожнее, чем днём. Не вызывать искру насильно, а просто чувствовать её форму, плотность, направление, в котором она хочет двигаться.

В какой-то момент перед закрытыми глазами вспыхнуло неясное, размытое пятно. Это была не картинка и не воспоминание. Скорее чистое ощущение пространства — холодного, глубокого, чужого. И где-то далеко внутри этого пространства слабо, почти незаметно отозвалось что-то живое.

Алексей резко открыл глаза.

Сердце колотилось так, будто он только что бежал.

Он сел в темноте и несколько секунд просто дышал, стараясь успокоиться. Потом понял главное: вибрация не просто сила, которую можно использовать. Она что-то искала. Или кто-то искал через неё.

За окном вдруг раздался звук.

Не дождь. Не ветер. Не скрип дерева. Что-то другое. Низкое, протяжное, глубокое, будто очень большой зверь медленно выдохнул где-то на самом краю леса. Звук прошёл по коже холодом и поднял мелкие мурашки.

Алексей тихо встал, стараясь не скрипеть половицами, подошёл к окну и прижался лбом к холодному мутному стеклу.

Лес за огородами был абсолютно чёрным. Ни одного огонька, ни одного проблеска.

Но вибрация внутри него вдруг стала очень громкой. Почти болезненной. Она тянула. Тянула именно туда — в чашу, под тёмные кроны, туда, откуда донёсся этот звук.

Он стоял неподвижно несколько долгих минут, пока звук не повторился. На этот раз ближе. Или просто громче. Или Алексей уже лучше его слышал.

Медленно отступил от окна.

В груди всё ещё гудело и ныло.

Он прекрасно понимал, что лезть туда сейчас, ночью, голодным и почти бессильным — чистое, красивое самоубийство. Но он также понимал и другое: за оставшиеся три дня в этой мокрой, нищей деревне он вряд ли найдёт хоть что-то, чем можно будет по-настоящему заплатить Жгтуну. А искра... искра явно откликалась на лес сильнее, чем на воду, чем на травы, чем на что-либо ещё.

Он сел обратно на топчан, обхватил себя руками за плечи и тихо, почти беззвучно выдохнул в темноту:

— Три дня. Всего три дня.

За окном лес снова издал тот же низкий, протяжный, голодный звук.

А вибрация внутри ответила ему почти охотно, будто узнала родной голос.

Алексей закрыл глаза и впервые за эти долгие сутки почувствовал не только страх и усталость.

Он почувствовал любопытство.

Опасное, совершенно глупое, абсолютно неуместное любопытство человека, который уже один раз умер на гололёде с кефиром в руках и теперь почему-то очень хотел понять, что именно проснулось в этом чёрном лесу.

И почему оно так явно откликается именно на него.

Конец главы 2.

Глава 3. Левая тропа

Утро первого из трёх дней выдалось серым, тяжёлым и промозглым.

Алексей проснулся ещё до того, как за окном по-настоящему рассвело. Тело ныло так, будто его всю ночь методично били мокрыми мешками с песком. Каждая мышца напоминала о себе тупой тянущей болью. Голова была тяжёлой, во рту снова стоял неприятный привкус железа. Вибрация в груди не спала ни на минуту — она тихо, ровно и очень настойчиво гудела, будто старый трансформатор в подвале серверной, который кто-то забыл выключить после аварии.

Он лежал некоторое время совершенно неподвижно, слушая редкий дождь и собственное поверхностное дыхание. Потом медленно сел, потёр лицо обеими ладонями и тихо, почти беззвучно выдохнул в полумрак каморки:

— День первый. Поехали.

Старуха, как всегда, уже была на ногах. Когда Алексей вышел на улицу, она сидела на низкой скамейке у своего дома и снова чинила ту самую грубую сеть. Увидев его, она лишь коротко кивнула, не прекращая работы.

— Живой. Уже хорошо. Кашу оставила у твоего порога. Ешь и делай то, что собирался. Только в лес далеко не лезь. Слышишь меня хорошо?

— Слышу, — ответил Алексей хрипло.

Он забрал миску с ещё тёплой кашей, сел прямо на мокрый порог своей каморки и начал есть медленно, почти механически. Каша была всё той же серой, густой и почти безвкусной. Но она хоть немного грела изнутри, и этого пока хватало. Пока он жевал, мысли крутились по одному и тому же кругу.

Три дня.

Жгтун вернётся точно в срок.

В самой деревне делать почти нечего — здесь нечего найти и нечем торговать.

Искра сильнее всего откликается именно на лес.

Значит, придётся хотя бы посмотреть. Осторожно. По самому краю.

Он доел, сполоснул миску холодной дождевой водой из бочки у стены и поставил её обратно возле порога старухи. Потом вернулся в каморку, нашёл самые целые обмотки из тех, что были, потуже затянул их на ступнях и щиколотках и снова вышел наружу.

Улица Черноречья была почти пустой. Люди благоразумно прятались от мелкого холодного дождя по домам. Алексей медленно прошёл мимо низких строений и остановился у начала двух узких троп, которые сразу уходили под тёмные, сомкнувшиеся кроны. Правая выглядела чуть более протоптанной и светлой. Левая — уже, темнее и как будто неохотно принимала чужаков.

Он вспомнил вчерашние слова тощего мужика про Гнилой Пень и про левую тропу.

— Ну конечно, — тихо сказал он сам себе. — Именно левая. Классика.

Алексей сделал первый шаг под деревья.

Воздух изменился сразу и очень заметно. Стал плотнее, влажнее, тяжелее. Запах прелой листвы, мокрой старой коры и той самой странной сладковато-горькой нотки усилился в несколько раз. Свет почти исчез. Даже унылое серое утро здесь мгновенно превращалось в глубокие ранние сумерки. Под ногами неприятно хлопала мокрая земля вперемешку с прошлогодними листьями и мелкими ветками.

Вибрация в груди отозвалась мгновенно и почти жадно. Стала громче, настойчивее, будто искренне обрадовалась возвращению в знакомое место.

Алексей шёл очень медленно, считая шаги в уме. Каждые пятьдесят шагов останавливался, прислушивался, медленно осматривал пространство вокруг. Лес молчал. Полностью. Не было слышно ни птиц, ни звериного шороха, ни даже обычного ветра в кронах — только редкие тяжёлые капли, срывающиеся с высоких веток, и его собственное сбитое дыхание.

На двухсотом шаге он впервые отчётливо почувствовал, что за ним кто-то есть.

Не шаги. Не хруст. Не дыхание. Просто тяжёлое, внимательное ощущение чужого взгляда точно между лопаток. Алексей остановился как вкопанный и медленно, очень медленно повернулся. За спиной была только чаща — тёмные стволы, мокрый мох, полумрак и тишина. Никого.

Он простоял ещё долгую минуту, потом всё-таки продолжил путь, теперь постоянно бросая короткие взгляды через плечо.

Вибрация теперь гудела почти без перерывов. Иногда между пальцами сами собой вспыхивали короткие холодные сине-фиолетовые искры, и Алексей каждый раз гасил их усилием воли. После каждой такой вспышки во рту появлялся резкий привкус железа, а в висках начинало тихо и противно стучать.

На четырёхсотом шаге тропа внезапно чуть расширилась. Справа от неё лежало огромное поваленное дерево, почти полностью покрытое толстым слоем мха, лишайника и странных тёмных грибов. Алексей подошёл ближе и после небольшой паузы осторожно коснулся коры раскрытой ладонью.

В ту же секунду вибрация ударила так сильно и резко, что ноги подкосились и он тяжело осел на колени прямо в мокрую грязь.

Перед глазами вспыхнуло то самое холодное, глубокое пространство, которое он уже мельком видел прошлой ночью. Только теперь оно было намного ближе и отчётливее. Он почти физически почувствовал запах — глубокий, сырой, земляной, очень древний. И ещё что-то поверх запаха. Будто очень далёкий, очень тихий, но настойчивый зов.

Алексей рывком отдернул руку от ствола. Вибрация постепенно спала, но не до конца. В груди осталась тупая, тянущая, неприятная боль, будто кто-то сильно ударил кулаком под дых.

Он ещё несколько мгновений сидел на мокрой земле на четвереньках и тяжело, хрипло дышал.

— Так, — прошептал он сорванным голосом. — Значит, ты здесь. Или что-то очень на тебя похожее.

Он с трудом поднялся, держась за скользкий ствол, и после короткой передышки продолжил идти. Теперь ещё медленнее и осторожнее. Тропа начала заметно петлять. Иногда он замечал странные детали: на коре некоторых старых деревьев были тёмные пятна, словно её выжгли изнутри сильным жаром, а на земле кое-где лежали мелкие кости животных, аккуратно сложенные в небольшие кучки, будто их кто-то специально собирал и оставлял.

На семисотом шаге тропа внезапно и совершенно неожиданно оборвалась.

Перед ним открылась небольшая круглая площадка, странно чистая по сравнению с остальным лесом. В самом её центре торчал огромный чёрный пенёк — старый, трухлявый, почти полностью разрушенный временем и влагой. Земля вокруг него была неестественно голой, будто здесь уже много лет не росли ни трава, ни мох, ни даже грибы.

Гнилой Пень.

Алексей остановился точно на краю этой площадки и долго просто смотрел, не решаясь сделать следующий шаг. Вибрация внутри него сейчас пела почти радостно. Холодно, зло, голодно — но почему-то радостно.

Он всё-таки сделал шаг вперёд.

Потом ещё один.

Когда он подошёл к чёрному пню на расстояние вытянутой руки, воздух вокруг вдруг стал совершенно тяжёлым и густым. Уши резко заложило. Перед глазами поплыли тёмные пятна. Вибрация внутри взревела так, что стало больно.

Алексей тяжело упал на колени и упёрся обеими ладонями в холодную голую землю.

И тогда он увидел.

Не обычными глазами. Чем-то другим, что теперь жило внутри него. Под пнём, очень глубоко в земле, что-то было. Большое. Непомерно древнее. Спящее. Но уже не крепко спящее. Оно почувствовало его искру и медленно, тяжело, неохотно поворачивалось в его сторону.

Алексей задыхался. Холод расплзался от солнечного сплетения по всему телу, сковывая мышцы. Он ясно понимал, что ещё несколько мгновений — и его просто вывернет наизнанку этой чужой силой.

С огромным, почти звериным усилием он отполз назад, за невидимый край площадки. Только там вибрация постепенно стихла до привычного низкого гула. Руки тряслись мелко и неотступно. Из рта шёл густой белый пар, хотя сам дождь был altogether не таким уж ледяным.

Он ещё долго сидел, прислонившись спиной к ближайшему дереву, и пытался выровнять дыхание.

— Ну и гадость, — хрипло выдохнул он наконец. — Прямо родная какая-то.

Через несколько минут он всё-таки заставил себя подняться. Ноги держали плохо и предательски дрожали. Алексей бросил последний долгий взгляд на чёрный пенёк и медленно, крайне осторожно пошёл обратно по той же тропе.

Обратный путь занял почти вдвое больше времени. Несколько раз ему с абсолютной ясностью казалось, что сзади снова кто-то есть и внимательно наблюдает. Один раз он даже резко обернулся на сто восемьдесят градусов и на долю секунды увидел между тёмными стволами что-то высокое, тонкое и совершенно чёрное. Но когда моргнул — там уже ничего не было, только стволы и мокрый мох.

Когда он наконец выбрался из леса обратно к огородам Черноречья, уже почти полностью смеркалось. Ноги дрожали так, что он едва не падал. Голова кружилась. Вибрация в груди была тихой, но какой-то странно сытой и довольной.

Старуха стояла у своего дома под навесом и смотрела на него тяжёлым, почти немигающим взглядом.

— Залез, — сказала она не вопросом, а утверждением.

Алексей молча кивнул, чувствуя, как по спине под рубахой стекают холодные струйки.

— И живой вернулся. Прямо чудеса какие-то. — Она подошла ближе, внимательно осмотрела его с ног до головы, задержавшись на глазах и дрожащих руках. — Руки трясутся. Глаза красные. Значит, близко подошёл. Ближе, чем следовало. Дальше не ходи. Оно тебя уже заметило. Теперь будет намного легче притягивать.

Алексей вытер мокрое лицо рукавом и хрипло спросил:

— Что это?

Старуха долго молчала, глядя куда-то мимо него, в сторону чёрного леса. Потом тихо, почти шёпотом ответила:

— Старое. Очень-очень старое. Раньше здесь жили другие люди. Задолго до нас. До города. До всех этих сборщиков долгов. Они что-то закопали. Или кого-то. А теперь долгие дожди размыли землю, и оно начинает шевелиться. Твоя искра для него как яркая свеча в совершенно тёмной комнате. Оно тебя видит. И хочет.

Она резко развернулась и пошла к себе в дом.

— Иди ешь, пока даю. И постарайся поспать. Завтра уже будет второй день. А Жгтун не любит ждать лишнего.

Алексей ещё некоторое время стоял под мелким холодным дождём и смотрел ей вслед. Потом медленно, тяжело пошёл к своей каморке.

Внутри он сел на топчан, даже не сняв насквозь мокрых обмоток, и долго сидел совершенно неподвижно, глядя в одну точку.

Под закрытыми веками всё ещё стоял огромный чёрный пень и то холодное, непомерно большое, голодное присутствие, которое медленно поворачивалось к нему где-то глубоко под землёй.

Вибрация тихо и довольно мурлыкала у него в груди, будто сытый зверь.

Алексей медленно, очень устало улыбнулся в полумрак каморки — криво и совсем не весело.

— Ну здравствуй, — прошептал он. — Раз ты меня уже заметило... давай хотя бы знакомиться по-нормальному.

За окном чёрный лес продолжал молчать.

Но Алексей теперь точно знал: это молчание больше никогда не будет пустым.

И у него оставалось всего два дня.

Глава 4. Второй день

Второй день начался с того, что Алексей проснулся от собственного сдавленного крика.

Он сидел на топчане, тяжело дыша через рот, и ещё несколько секунд не понимал, где находится и кто он такой. Перед глазами всё ещё стоял огромный чёрный пень и то холодное, непомерно большое присутствие, которое медленно, но неотвратно поворачивалось к нему. Сердце колотилось так бешено, будто пыталось проломить рёбра. Вибрация в груди гудела громко, тревожно и почти зло, будто тоже только что пережила тот же самый кошмар.

— Тихо, — прошептал он сорванным, чужим голосом. — Тихо ты. Мы ещё не там. Ещё рано.

Он потёр лицо обеими ладонями, чувствуя, как трясутся пальцы, и спустил ноги на холодный деревянный пол. Тело ныло сильнее, чем вчера. Мышцы будто налились свинцом и оставили на ночь под дождём. Особенно неприятно болели ладони — те самые, которыми он вчера упирался в голую землю у пня. Кожа на них была слегка покрасневшей и чувствительной.

За окном уже начинало светлеть. Дождь закончился, но небо оставалось низким, тяжёлым и какого-то грязно-серого цвета. Алексей с трудом встал, подошёл к бочке с дождевой водой у стены каморки и умылся прямо оттуда. Холодная вода немного помогла прийти в себя и сбить остатки кошмара.

Старуха, как всегда, уже была на ногах. Когда Алексей показался на пороге, она сидела на своей низкой скамейке и снова чинила ту же грубую сеть. Увидев его лицо, только тяжело покачала головой.

— Снится уже, значит. Быстро ты. Обычно люди дольше держатся, прежде чем оно начинает лезть в голову.

— Что именно снится? — спросил Алексей, хотя ответ примерно знал.

— Оно. Раз уж заметило по-настоящему — будет звать. Особенно по ночам, когда защита слабее. Кто-то сходит с ума за неделю. Кто-то раньше. Ты пока ещё держишься и даже глаза осмысленные. Это либо очень хорошо, либо очень плохо. Времени покажет.

Она молча протянула ему глиняную миску с кашей и добавила уже совсем тихо, почти вполголоса:

— Сегодня второй день. Завтра Жгтун. Если собираешься хоть что-то сделать — делай сегодня. Завтра будет уже поздно что-либо менять.

Алексей кивнул, забрал еду и сел прямо на мокрый порог своей каморки. Каша оказалась всё той же серой, густой и почти безвкусной, но он заставлял себя есть медленно и тщательно. Силы были нужны любые, даже такие.

Пока жевал, он пытался разложить по полочкам всё, что уже успел понять за эти короткие сутки.

Искра внутри него — вовсе не случайный сбой и не подарок судьбы. Она чётко реагирует на опасность, на сильный страх, на определённые места силы. Особенно яростно и голодно — на то, что спит под Гнилым Пнём. Причём реакция идёт в обе стороны: он чувствует это присутствие, и оно безошибочно чувствует его.

Это одновременно пугало до дрожи и... странным образом интересовало. Старый Алексей Морозов, который полжизни провёл за починкой чужих кривых и нестабильных систем, сейчас смотрел на эту вибрацию почти профессиональным взглядом. Нестабильный процесс. Есть явные триггеры. Есть обратная связь. Есть даже что-то вроде усиления сигнала. Значит, теоретически можно научиться его хоть немного контролировать.

Практически пока получалось скверно и больно.

После еды он не побежал сразу в лес, как могла бы поступить более импульсивная часть его нового тела. Вместо этого сел у стены каморки, вытянул дрожащие ноги и начал экспериментировать намного осторожнее и методичнее, чем вчера.

Сначала он просто слушал вибрацию. Не давил на неё, не пытался силой вызвать искру. Просто наблюдал, как она меняется от спокойного дыхания, от направления мыслей, от взгляда в сторону чёрного леса. Когда он намеренно думал о старой серверной, о знакомом ровном гуле вентиляторов и мигающих зелёных лампочках — вибрация чуть затихала и становилась ровнее. Когда вспоминал удар затылком о бетонную урну и белый фонтан кефира в воздухе — она дёргалась раздражённо и коротко. А когда представлял огромный чёрный пенёк и то, что под ним — становилась громче, плотнее и заметно голоднее.

— Ха, — тихо и хрипло хмыкнул он. — Даже здесь своя корпоративная культура. Не любит, когда вспоминаешь старое начальство.

Он попробовал вызвать искру уже осознанно. Медленно. Аккуратно. Как будто настраивал очень чувствительный измерительный прибор, который может сгореть от малейшего перегруза. Представил, что ловит слабый, нестабильный сигнал и усиливает его совсем чуть-чуть, ровно настолько, чтобы увидеть.

Между пальцами появилась тонкая, дрожащая нить сине-фиолетового света. На этот раз она была заметно стабильнее вчерашней. Он удержал её почти пять полных секунд, прежде чем отпустить. Рука после этого ощутимо онемела, но уже не так сильно, как раньше. Привкус железа во рту стал почти привычным фоном.

— Прогресс, — пробормотал он с кривой усмешкой. — Целых пять секунд чистого горения. Ещё немного упорства — и можно будет сделать себе карманный фонарик. Или поджечь брови. Зависит от настроения.

К середине дня он уже мог удерживать искру около семи-восьми секунд подряд и даже слегка направлять её — влево, вправо, чуть вверх. Слабо, с огромной потерей сил и с постоянным риском, что она вырвется из-под контроля, но всё-таки мог. Каждый раз после такого упражнения приходилось долго сидеть неподвижно и ждать, пока мир перестанет слегка плыть перед глазами.

Тощий мужик с сетью шрамов на лице появился совершенно неожиданно. Просто подошёл и молча сел рядом на старое поваленное бревно, доставая из кармана очередную мятую самокрутку.

— Ты вчера далеко ходил, — сказал он без всяких предисловий, глядя куда-то в сторону леса. — Видно по глазам. И по тому, как руки дрожат до сих пор.

Алексей не стал отпираться. Смысла не было.

— До самого пня.

Мужик тихо, почти уважительно присвистнул.

— И вернулся живым. Уважаю. Большинство после первого настоящего контакта либо больше никогда туда не ходят, либо ходят — и уже не возвращаются. Что там увидел?

— Спит. Но уже некрепко. И оно меня заметило. По-настоящему.

Мужик долго молчал, выпуская тонкие струйки дыма в сырой воздух.

— Тогда тебе совсем плохо. Оно теперь будет звать сильнее и настойчивее. Особенно по ночам, когда воля слабеет. Некоторые начинают сами вставать и идти. Ногами. Прямо во сне. Утром их уже нет, только пустая постель и открытая дверь.

Он затянулся ещё раз, потом неожиданно полез во внутренний карман куртки и протянул Алексею маленькую, туго набитую тряпичную сумочку.

— Возьми. Травы одна редкая. Горькая до ужаса. Если совсем припрёт и начнёт тянуть так, что не можешь сопротивляться — жуй. Не лечит и не спасает полностью, но голову на короткое время проясняет. Старуха эту траву знает, но тебе сама никогда не даст. Скажет, что ещё рано и не заслужил.

Алексей молча принял сумочку. Ткань была грубой, а внутри что-то сухое и ломкое шелестело.

— Почему помогаешь? — спросил он прямо. — Тебе какая с этого выгода?

Мужик пожал плечами и потушил самокрутку о подошву.

— Потому что Жгтун три года назад забрал моего младшего брата. В те самые каменистые холмы под Вайрденем. Писем с тех пор ни одного. И потому что ты первый за очень долгое время, кто после настоящего контакта с пнём вернулся на своих двоих и ещё умудряется шутить. Редкостью стал такой товар в наших краях.

Он встал, коротко кивнул и ушёл прочь, не прощаясь и не оглядываясь.

Алексей ещё некоторое время сидел неподвижно, разглядывая сумочку, потом спрятал её за пазуху рядом с холодной металлической пластиной Жгтуна.

Оставшуюся часть дня он провёл между своей камерой и самым краем леса. Глубоко не заходил. Просто сидел на границе, там, где кончались огороды и начинались первые тёмные стволы, слушал вибрацию и методично учился не давать ей полностью захватывать внимание и волю. Иногда получалось неплохо. Иногда она всё равно прорывалась и заставляла его на несколько мгновений забывать, кто он такой. К вечеру он уже мог удерживать искру почти десять секунд подряд и даже слегка согревать ею кончики пальцев — крошечный, почти смешной, но совершенно реальный прогресс.

Когда совсем стемнело и мелкий дождь снова начал накапывать, он вернулся в камеру, плотно закрыл дверь на деревянный крючок и сел на топчан.

Ночь обещала быть очень тяжёлой.

Он это чувствовал заранее всем телом. Вибрация уже начинала медленно подниматься, будто предвкушая момент, когда сознание ослабнет.

Алексей достал из сумочки щепотку горькой травы, отщипнул совсем маленький кусочек и осторожно разжевал. Вкус оказался отвратительным — горький, сильно вяжущий, с резким металлическим послевкусием. Но через несколько минут голова действительно стала чуть

яснее и твёрже. Вибрация не исчезла, но будто отошла на полшага назад, дав ему немного пространства.

Он лёг поверх одеяла и закрыл глаза.

Сон накрыл быстро и сразу оказался тяжёлым, вязким, почти физически давящим.

Снова огромный чёрный пень. Снова пронизывающий холод. Снова то присутствие, которое теперь было заметно ближе, чем в прошлый раз. Оно уже не просто медленно поворачивалось. Оно тянулось к нему длинными, совершенно невидимыми, но отчётливо ощутимыми щупальцами. Алексей во сне пытался отступить, сделать хоть шаг назад, но ноги налились свинцом и совершенно не слушались. Холод лез под кожу, под рёбра, прямо к сердцу.

Он проснулся резко, с полузадушенным криком, который сам же успел зажать себе ладонью.

В камерке стояла мёртвая тишина. Только дождь снова тихо накрапывал по крыше.

Но вибрация внутри орала почти нечеловеческим голосом.

Алексей сидел на топчане, тяжело и часто дыша, и вдруг с ужасом понял, что его руки сами собой слабо светятся. Тонкие сине-фиолетовые нити ползли по пальцам, по запястьям и выше, будто искали любой возможный выход наружу.

Он изо всех сил сжал кулаки, пытаясь заставить свет погаснуть. Получилось не сразу. Пришлось вложить почти всю оставшуюся волю и кусок горькой травы, который он успел засунуть за щёку.

Когда вспышки наконец исчезли, он дрожащими руками отломил ещё один кусочек травы и медленно зажевал.

— Нет, — тихо и очень твёрдо сказал он в темноту камерки. — Не сегодня. Ты меня ещё не заберёшь. Услышал?

За окном, где-то в глубине леса, снова раздался тот самый низкий, протяжный, голодный звук.

Только на этот раз он был заметно ближе.

Намного ближе, чем вчера.

Алексей медленно поднялся на ноги, подошёл к маленькому окну и осторожно прижался лбом к холодному мутному стеклу.

Между крайними деревьями, точно там, где начиналась левая тропа к Гнилому Пню, стояло что-то высокое, тонкое и совершенно чёрное. Оно не двигалось. Просто стояло неподвижно и смотрело прямо на его камерку.

Вибрация внутри взывала от мгновенного узнавания.

Алексей отступил на один шаг назад.

Чёрная фигура медленно, почти вежливо склонила голову набок, будто кивая в знак приветствия.

Потом так же тихо и беззвучно растворилась между стволами, будто её никогда и не было.

Алексей ещё долго стоял посреди тёмной камерки и слушал, как бешено колотится чужое сердце.

До прихода Жгтуна оставался всего один день.

А лес уже начал сам выходить к нему навстречу.

Глава 5. Последний день

Глава 5. Последний день

Третий день Алексей встретил уже не лёжа.

Он сидел на пороге своей каморки ещё задолго до рассвета, закутавшись в дырявое одеяло, и молча смотрел в сторону чёрного леса. Спать после ночного появления высокой тёмной фигуры почти не хотелось. Да и не получалось. Вибрация в груди вела себя странно и тревожно — то затихала почти до еле слышного шёпота, то вдруг вспыхивала коротким, голодным, почти нетерпеливым пульсом, будто проверяла, на месте ли он ещё.

— Я здесь, — тихо сказал Алексей в сырой предрассветный воздух. — Никуда не делся. Рано радуешься.

Старуха появилась тогда, когда небо только-только начало сереть. Она молча поставила перед ним миску с привычной серой кашей и села рядом на перевёрнутое старое ведро, поправив платок.

— Не спал, — сказала она не вопросом, а констатацией факта.

— Не особо получилось.

— Фигуру видел?

Алексей коротко кивнул.

Старуха долго молчала, глядя на тёмную зубчатую полосу леса над огородами.

— Значит, оно уже не просто зовёт по ночам. Оно выходит. Раньше такого не водилось. Или водилось очень давно, и те, кто это видел, предпочитали об этом навсегда забыть. Тебе сегодня придётся решаться. Либо бежать прямо сейчас, пока Жгтун ещё не приехал и пока ноги держат. Либо оставаться здесь и надеяться, что твоя искра заинтересует его сильнее простого долга. Третьего варианта мне что-то не видно.

— А если я снова пойду к пню? — спросил Алексей почти спокойно.

Старуха посмотрела на него так, будто он вслух предложил прыгнуть в прорубь с тяжёлым камнем на шее.

— Тогда я тебя даже хоронить не стану. Просто скажу Жгтуну, когда он приедет, что ты сам ушёл в лес и не вернулся. Он даже бровью не поведёт. Для него это будет самым обычным исходом.

Она тяжело поднялась, отряхнула подол и ушла к себе, не дожидаясь никаких ответов.

Алексей доел кашу почти ничего не чувствуя. Вкус давно перестал иметь значение. Потом медленно поднялся, потуже затянул обмотки на ногах и направился к дальнему краю деревни.

Сегодня он не стал заходить в чащу глубоко. Просто нашёл относительно сухой старый пенёк у самой границы леса, там, где ещё можно было рассчитывать на остатки дневного света, сел и начал работать с вибрацией. Медленно. Методично. Почти упрямо. Как будто у него впереди был не один-единственный день, а целый месяц спокойной отладки нестабильной системы.

Он учился теперь не просто удерживать искру между пальцами, а чувствовать, в какую сторону она хочет течь сама. Иногда она тянула вниз, прямо в землю. Иногда резко разворачивалась в сторону чащи. Иногда вдруг вспыхивала совершенно без его воли, будто отвечала на какой-то далёкий, неслышимый зов.

К середине дня он уже мог удерживать относительно стабильную нить сине-фиолетового света почти пятнадцать секунд подряд. После каждого такого подхода руки тряслись так сильно, что приходилось подолгу сидеть, уткнувшись лбом в колени и пережидая волны тошноты, но результат был налицо.

— Смотри-ка, — пробормотал он хрипло самому себе. — Уже почти можно сигарету прикурить. Ещё неделя такой прекрасной жизни — и я вообще стану полезным членом местного общества. Можно будет наниматься фонарщиком.

Тощий мужик с сетью старых шрамов появился снова. На этот раз без привычной самокрутки. Просто подошёл и молча встал рядом, глядя туда же, куда смотрел Алексей.

— Сегодня последний день, — сказал он ровно.

— Знаю.

— Жгтун обычно приезжает к вечеру. Иногда раньше. Он любит появляться именно тогда, когда человек уже почти начинает надеяться, что про него забыли.

Алексей кивнул, не отрывая взгляда от леса.

— А ту фигуру прошлой ночью... ты её тоже видел когда-нибудь?

Мужик помолчал дольше обычного.

— Видел. Один раз. Три года назад. Той самой ночью, накануне того дня, когда забрали моего брата. Тогда я ещё пытался убедить себя, что это просто тень от деревьев. Теперь знаю наверняка, что нет. Оно выбирает. Или помечает. Честно говоря, я до сих пор не уверен, что из этого хуже.

Он полез во внутренний карман потёртой куртки, достал небольшой плотный свёрток, завернутый в вошёную ткань, и молча протянул его Алексею.

— Возьми. На всякий пожарный. Это не оружие и уж точно не спасительный амулет. Просто старый кусок странного железа, который когда-то очень долго пролежал совсем рядом с тем пнём. Говорят, такие обломки иногда... отвлекают. На совсем короткое время. Может, пригодится тебе. А может, и нет. Но пусть будет.

Алексей принял свёрток. Ткань была грубой и слегка липкой от старого воска. Внутри оказался кусок тёмного, почти чёрного металла совершенно неправильной формы. Тяжёлый. Неприятно холодный даже через ткань. Когда он коснулся его голой кожей, вибрация в груди коротко и очень резко дёрнулась, будто мгновенно узнала этот предмет и не знала, радоваться ей или злиться.

— Откуда ты это взял?

— Нашёл рядом с тем местом, где брата видели в последний раз перед тем, как он исчез. Считаю, единственная семейная реликвия, которая у меня осталась. Бесплезная почти полностью, но своя.

Мужик резко развернулся и ушёл прочь, не дожидаясь ни слов благодарности, ни вопросов.

Алексей ещё долго сидел неподвижно, медленно вертя кусок чёрного металла в пальцах. Вибрация реагировала на него странно и противоречиво — то вдруг притихала почти до полного молчания, то вспыхивала коротким раздражённым импульсом. Будто этот обломок был ей одновременно глубоко чужим и смутно знакомым.

К тому времени, когда небо совсем потемнело (хотя до настоящего заката ещё оставалось больше часа), тяжёлые свинцовые тучи нависли так низко, что казалось — вот-вот заденут макушки крайних деревьев. Алексей вернулся в деревню и сел на порог своей каморки, положив кусок металла рядом на доски.

Ждать оставалось совсем недолго.

Он это чувствовал кожей.

Первым признаком приближения Жгтуна стал вовсе не стук копыт. Первым и самым явным признаком стало то, что вибрация внутри него вдруг стала неестественно тихой. Почти испуганной. Будто затаилась.

И только потом уже на дороге показался сам Жгтун.

Он въехал в Черноречье в полном одиночестве, на той же крупной тёмной лошади, в том же тёмном плаще с капюшоном. Спешился точно напротив дома Алексея, будто заранее и безошибочно знал, где тот будет сидеть и ждать. Капюшон откинул сразу, не мешкая.

— Три дня истекли, — сказал он ровным, спокойным голосом. — Покажи, чем именно ты можешь меня удивить. Или собирайся. Поедем.

Алексей медленно поднялся на ноги. Колени слегка дрожали, но он заставил их слушаться силой воли. В правой руке он сжимал кусок чёрного металла так, что острые края впились в кожу.

— У меня есть кое-что, — сказал он хрипло. — Но я совершенно не уверен, что вам это понравится.

Жгтун чуть заметно приподнял одну бровь.

— Показывай. У меня сегодня редкое относительно хорошее настроение. Даже готов выслушать.

Алексей медленно открыл ладонь.

В ту же самую секунду вибрация внутри него взревела так яростно, будто ждала именно этого момента всю свою короткую жизнь. Сине-фиолетовый свет вспыхнул между пальцами яркой нестабильной вспышкой и облизал кусок чёрного металла со всех сторон. На одно короткое мгновение показалось, что железо стало ещё темнее и глубже, будто жадно впитало в себя этот чужой свет.

Жгтун смотрел на происходящее очень внимательно. Настолько внимательно, что на его жёстком лице даже появилось что-то похожее на настоящее любопытство.

— Откуда это у тебя? — спросил он уже совсем другим, более тихим тоном.

— Из леса. С того самого места, про которое вы сами меня предупреждали не ходить.

Жгтун медленно протянул руку вперёд, но так и не коснулся металла. Просто держал раскрытую ладонь над ним, будто чувствуя исходящий от обломка холод. Лицо его постепенно становилось всё жёстче и закрытее.

— Ты действительно дошёл до самого пня. Вернулся живым. И ещё умудрился притащить кусок... этого.

Он медленно опустил руку и несколько долгих секунд стоял молча, глядя то на металл, то на Алексея.

— Знаешь ли ты вообще, что это такое? — спросил он наконец.

— Нет. Понятия не имею.

— И очень хорошо, что не знаешь. Потому что почти все, кто знал наверняка, уже давно не в состоянии разговаривать.

Жгтун выпрямился во весь рост. Посмотрел на Алексея долгим, тяжёлым, оценивающим взглядом.

— Два варианта. И только два. Первый — ты спокойно отдаёшь мне этот кусок, и я списываю часть твоего долга. Не весь, конечно. Но заметную часть. Второй — ты прямо сейчас

садишься на лошадь и едешь со мной, а этот обломок я заберу в любом случае. Выбирай. И выбирай быстро.

Алексей смотрел ему прямо в глаза и всем телом чувствовал, как вибрация внутри бьётся о рёбра с такой силой, будто хочет физически вырваться наружу.

Он уже открыл рот, чтобы дать ответ.

И именно в этот момент из глубины леса донёлся звук.

Низкий. Протяжный. Настолько близкий и плотный, что даже лошадь Жгтуна резко мотнула головой, заржала и забила копытом.

Жгтун мгновенно обернулся.

Между крайними тёмными деревьями снова стояла та самая высокая чёрная фигура. Только теперь она была уже не одна. Позади неё, чуть глубже в чаще, смутно угадывались ещё как минимум три или четыре таких же тёмных силуэта.

Вибрация внутри Алексея взвыла так оглушительно, что он на целое мгновение почти ослеп от внутренней вспышки.

Жгтун медленно, почти лениво положил свободную руку на рукоять своего короткого тяжёлого клинка.

— Похоже, — сказал он тихо и совершенно спокойно, — выбор у нас обоих только что стал гораздо интереснее и сложнее.

Чёрные фигуры синхронно сделали первый шаг из-под деревьев прямо в сторону деревни.

Глава 6. Чёрные шаги

Чёрные фигуры выходили из леса медленно и очень уверенно, будто им совершенно некуда было торопиться.

Их было пятеро. Высокие, неестественно тонкие, без каких-либо видимых лиц. Одежды в привычном смысле на них не было — скорее что-то вроде длинных тёмных покровов, которые шевелились сами по себе, даже когда вокруг не было ни малейшего ветра. Они не издавали ни звука. Ни шагов, ни дыхания, ни шороха ткани. Просто шли по раскисшей земле деревни, оставляя после себя странно глубокие следы.

Лошадь Жгтуна заржала второй раз уже совсем истерично и начала пятиться. Жгтун одной рукой резко одёрнул поводья, другой уже полностью обхватил рукоять короткого тяжёлого клинка. Лицо его по-прежнему оставалось спокойным, но Алексей краем глаза заметил, как жёстко напряглись мышцы на челюсти.

— Стой точно за мной, — коротко и тихо бросил Жгтун, даже не поворачивая головы. — И ни в коем случае не делай резких движений своей искрой. Сейчас это может спровоцировать их гораздо сильнее.

Алексей молча сделал шаг назад, но кусок чёрного металла из руки так и не выпустил. Вибрация внутри него билась о рёбра с такой силой, что перед глазами периодически вспыхивали тёмные пятна иплыли контуры предметов. Каждая из пяти фигур отзывалась внутри него отдельным холодным, голодным импульсом. Они были частью того, что спало под Гнилым Пнём. Или его прямым продолжением. Или слугами. Разницы особой уже не было.

Первая, центральная фигура остановилась примерно в двадцати шагах. Остальные четыре встали чуть позади аккуратным полукругом. Центральная медленно подняла руку — слишком длинную, с неестественно тонкими пальцами — и указала прямо на Алексея.

Жгтун тихо и очень выразительно выругался сквозь зубы.

— Конечно. Именно на тебя. Я, блин, мог бы и догадаться.

Он одним движением вытащил клинок из ножен. Оружие было коротким, тяжёлым, без каких-либо украшений и гравировок. Обычное рабочее оружие человека, который привык решать любые вопросы быстро, жёстко и без лишней крови, если получается.

— Рен, — сказал Жгтун уже громче и чётче. — Если ты хочешь прожить дольше, чем ближайшие пять минут, сделай ровно то, что я сейчас скажу. Когда я начну двигаться — ты бежишь в дом. Не оборачиваешься. Не геройствуешь. Не пытаешься помочь. Просто бежишь изо всех сил и закрываешь за собой дверь. Понял меня?

Алексей кивнул. Голос вдруг предательски сел и охрип.

— Понял.

Фигуры сделали ещё один совершенно синхронный шаг вперёд.

Жгтун вдруг коротко, зло и совершенно без веселья усмехнулся.

— Знаешь, мальчик, я уже больше тридцати лет собираю чужие долги по этим землям. Видел всякое дерьмо. Но чтобы обычный тощий должник ещё и древнюю лесную дрянь прямо на меня натравил... Это у меня впервые.

Он больше ничего не сказал. Просто резко рванул вперёд.

Двигался Жгтун быстро, жёстко и очень рационально. Клинок коротко сверкнул тусклым светом в пасмурном воздухе. Первая чёрная фигура подняла руку, будто пытаясь остановить удар, но тяжёлое лезвие прошло сквозь тёмный покров почти без всякого сопротивления. Фигура резко дёрнулась на месте, но не упала. Вместо крови или любой другой жидкости из длинного разреза сразу повалился густой, тяжёлый чёрный дым.

Остальные четыре фигуры мгновенно двинулись на Жгтуна сразу со всех сторон.

Алексей всё это время стоял как вкопанный. Вибрация внутри него орала так оглушительно, что было трудно нормально дышать и думать. Кусок чёрного металла в его руке вдруг стал странно горячим. Нет, не горячим в обычном смысле — он начал вибрировать сам по себе точно в такт тому безумному гулу, который творился у него в груди.

Одна из фигур резко повернула «голову» в сторону Алексея и шагнула уже прямо к нему, полностью игнорируя Жгтуна и бой.

— Я же сказал — беги! — рявкнул Жгтун, одновременно отбивая сразу двух противников короткими жёсткими ударами.

Алексей наконец заставил себя сдвинуться с места. Но вместо того чтобы слушаться и бежать к своей каморке, он сделал шаг вперёд навстречу фигуре и поднял руку с куском металла.

Вибрация рванула наружу совершенно сама, без его сознательного приказа.

Сине-фиолетовый свет ударил по чёрному обломку и отразился от него узким, нестабильным, дрожащим лучом прямо в приближающуюся фигуру. Луч был слабым и коротким, но фигура резко остановилась, будто на полном ходу наткнулась на невидимую стену. Чёрный покров у неё на «груди» сразу задымился и пошёл мелкими трещинами.

Алексей почувствовал, как из него одним махом словно выдернули большой кусок внутренней силы. Ноги мгновенно подкосились. Он тяжело упал на одно колено прямо в грязь, но руки с металлом так и не опустил.

Фигура медленно склонила голову набок, разглядывая его с странным, почти человеческим интересом. Потом сделала ещё один короткий шаг вперёд.

Жгтун в этот момент рубанул сразу двоих крест-накрест мощным ударом и яростно рявкнул уже почти срываясь:

— Ты совсем больной, что ли?! Я сказал — в дом!

Алексей уже почти не слышал его. Он смотрел на приближающуюся фигуру и всем телом чувствовал, как она тянется именно к искре внутри него. Не чтобы убить. Чтобы забрать. Присвоить. Сделать своей.

Он сжал кусок металла ещё сильнее до боли в пальцах и снова попытался вытолкнуть свет. На этот раз получилось заметно слабее. Луч едва дотянул до фигуры и почти сразу погас.

Сил почти совсем не осталось.

Именно в этот момент сзади, со стороны домов, раздался голос старухи. Громкий, резкий, совершенно не старческий и очень злой:

— На землю! Оба! Немедленно!

Алексей даже не успел толком понять приказ. Тело среагировало само. Он просто упал ничком в холодную грязь, инстинктивно прикрывая голову и таща за собой кусок металла.

Что-то тяжёлое, горячее и очень быстрое пронеслось у него буквально в нескольких сантиметрах над головой. Он услышал короткий, крайне неприятный звук — будто раскалённый добела металл резко опустили в ледяную воду. Потом последовало громкое шипение и запах жженой ткани.

Когда он наконец рискнул поднять голову, одна из чёрных фигур уже рассыпалась прямо на месте, быстро превращаясь в клубы густого чёрного дыма. Старуха стояла всего в нескольких шагах от него, крепко держа в обеих руках длинный чёрный посох, которого Алексей у неё раньше никогда в жизни не видел. Самый конец посоха ещё слабо тлел тусклым красным светом.

Жгтун тоже оказался на земле, но уже поднимался, зло отряхивая плащ. На тёмной ткани дымились несколько свежих длинных разрезов.

— Бабка, — сказал он хрипло и с явным удивлением. — Ты же сама клялась, что больше никогда в жизни не возьмёшь эту проклятую дрянь в руки.

Старуха зло и с силой плюнула в сторону уже почти рассеявшегося дыма.

— А ты клялся, что больше не полезешь в мою деревню без нормального предупреждения. Получается, мы оба в очередной раз соврали. Так что радуйся пока, что я ещё не совсем забыла, как этим древним ужасом махать.

Оставшиеся три чёрные фигуры полностью остановились. Они больше не наступали. Просто стояли неподвижно и смотрели. Особенно пристально и тяжело — именно на Алексея и на кусок чёрного металла, который он по-прежнему сжимал в грязной руке.

Старуха медленно, не опуская посох, обошла Жгтуна и встала прямо рядом с Алексеем.

— Уходите, — сказала она в сторону фигур тихо, но очень отчётливо и жёстко. — Пока я ещё прошу вежливо. В следующий раз просить уже не буду. И вам это очень сильно не понравится.

Фигуры ещё несколько долгих мгновений стояли совершенно неподвижно. Потом центральная снова медленно подняла слишком длинную руку и указала прямо на Алексея. И только после этого все трое синхронно шагнули назад, в густую тень крайних деревьев. Через несколько секунд их уже совершенно не было видно, будто они растворились в воздухе.

Тишина навалилась сразу, тяжело и оглушительно.

Алексей всё ещё лежал в холодной грязи на одном локте и пытался хоть немного отдышаться. Вибрация внутри него теперь была тихой, слабой и будто полностью опустошённой.

Жгтун подошёл первым. Молча протянул широкую ладонь и помог ему подняться на ноги.

— Живой ещё?

— Вроде да, — хрипло ответил Алексей, чувствуя, как всё тело мелко трясётся. — Но очень сильно сомневаюсь, что это надолго.

Жгтун внимательно посмотрел на кусок металла, который Алексей по-прежнему судорожно сжимал в руке, потом на старуху с посохом, потом снова на тёмный лес.

— Долг, — сказал он наконец ровным голосом, — временно полностью заморожен. До тех пор, пока я лично не разберусь, что именно ты здесь разворошил своими руками. Ты едешь со мной в Вайрден. Добровольно. Или я тебя поведу туда на верёвке. Выбирай. Сейчас.

Алексей посмотрел на старуху. Та лишь коротко и тяжело кивнула, будто говоря: «Теперь только так и никак иначе».

Он медленно выпрямился во весь рост, чувствуя, как предательски дрожат колени и руки.

— Добровольно, — сказал он хрипло. — Но этот кусок металла едет со мной. Иначе никак.

Жгтун чуть прищурил светлые глаза.

— Посмотрим.

Он резко развернулся к своей лошади, потом бросил уже через плечо:

— Собирайся. У тебя ровно десять минут. Если опоздаешь хоть на минуту — поведу на верёвке. И лучше не улыбайся мне сейчас. Мне сегодня уже один раз пытались улыбнуться. Плохо очень кончилось.

Алексей стоял посреди раскисшей улицы Черноречья, всё ещё сжимал в руке тяжёлый кусок чёрного металла и молча смотрел на тёмный, будто настороженный лес.

Вибрация внутри тихо, почти ласково и очень довольно отозвалась.

Будто совсем тихо говорила: «Мы ещё обязательно вернёмся».

Он тихо, крайне устало и совсем без веселья усмехнулся в сырой воздух.

— Конечно вернёмся, — прошептал он. — Куда ж мы с тобой теперь денемся.

Ровно через десять минут он уже сидел позади Жгтуна на широкой тёплой спине тёмной лошади. Деревня Черноречье медленно, дом за домом оставалась позади под низким тяжёлым небом.

А впереди ждал большой город Вайрден.

И всё то древнее, голодное и очень личное, что он неосторожно разворошил в этом проклятом лесу, теперь ехало вместе с ним.

Глава 7. Дорога на Вайрден

Глава 7. Дорога на Вайрден

Лошадь шла ровным, тяжёлым шагом, и каждый толчок отдавался в позвоночнике тупой ноющей болью. Алексей сидел позади Жгтуна, одной рукой крепко держась за ремень седла, другой по-прежнему сжимая кусок чёрного металла так, что пальцы уже начали неметь. Плащ Жгтуна пах дымом, выделанной кожей, железом и чем-то ещё — горьким, почти лекарственным. Сзади медленно оставалась Черноречье — маленькая, мокрая, будто съёжившаяся под низким тяжёлым небом деревня, которая ещё вчера казалась ему целым миром.

Первые несколько вёрст они ехали в полном молчании. Только копыта глухо стучали по раскисшей дороге, да изредка где-то вдалеке каркала одинокая птица. Вибрация в груди Алексея вела себя странно и настороженно. Чем дальше они уезжали от чёрного леса, тем тише и глуше она становилась. Не исчезала полностью — он всё ещё чувствовал её постоянное присутствие, — но будто уходила куда-то вглубь, затихала, пряталась. Кусок металла в руке тоже постепенно остыл и больше не вибрировал в такт внутреннему гулу.

— Отпустишь наконец этот обломок? — вдруг спросил Жгтун, не поворачивая головы. Голос его звучал спокойно и чуть насмешливо. — Рука уже, небось, полностью затекла.

— Нет, — коротко ответил Алексей.

Жгтун тихо хмыкнул.

— Упрямый. Это качество либо очень хорошо тебе послужит, либо очень быстро тебя угробит. Посмотри, что именно.

Ещё с полчаса ехали молча. Дорога под копытами постепенно становилась чуть лучше — меньше глубокой грязи, больше плотных старых колея от телег. По обеим сторонам тянулись редкие чахлые кусты и мокрые, уже полностью опустевшие поля, на которых этой осенью явно ничего не росло. Изредка попадались одинокие горелые остовы домов с обвалившимися крышами.

— Здесь раньше стояли деревни, — сказал Жгтун через некоторое время, будто читая его мысли. — Пока лес не начал шевелиться по-настоящему. Люди уходили. Кто в город, кто дальше на юг, к большим трактам. Кто просто исчезал без следа. Черноречье — одна из самых последних, кто ещё пытается держаться. И то недолго ей осталось, если то, что ты разворошил, продолжит просыпаться.

Алексей молчал. Ему было что сказать, и вопросы уже крутились на языке, но после ночной и утренней встряски рот пока открывался с трудом.

— Ты действительно дошёл до самого пня и сумел вернуться, — продолжил Жгтун ещё через некоторое время. — Это большая редкость. Последнего человека, кого я лично знал, сделавшего то же самое, видел лет пятнадцать назад. Он тоже вернулся. А через три дня сам встал среди ночи и ушёл обратно в чащу. Ногами. Утром его уже не было. Только дверь широко открыта и цепочка следов до самой кромки леса.

— И что с ним потом стало? — всё-таки спросил Алексей.

— Не знаю. И знать не хочу. Лес иногда возвращает то, что забрал. Иногда нет. В твоём случае он явно решил, что ты ему пока интереснее мёртвого. Это плохо. Очень плохо.

Алексей опустил глаза на кусок чёрного металла, который всё ещё сжимал в ладони.

— А это что такое на самом деле?

— Обломок. Очень старый. Такие иногда находят рядом с местами силы, если очень повезёт или очень не повезёт. Большинство нормальных людей от них шарахаются за тридевять земель. Умные — особенно. Ты, похоже, к категории умных себя пока не относишь.

— Спасибо за высокую оценку, — сухо ответил Алексей.

Жгтун тихо фыркнул. Почти как короткий смешок.

— Не за что. Я вообще крайне редко делаю комплименты своим должникам. Портит репутацию и расхолаживает.

К полудню мелкий холодный дождь снова зарядил стеной. Жгтун остановил лошадь под раскидистым одиноким деревом у обочины, достал из седельной сумки плоскую флягу и большую сухую лепёшку, разломил её пополам прямо руками и молча протянул одну половину Алексею назад.

— Ешь. Пока ещё дают. В городе тебя так просто и бесплатно кормить уже не будут. Там за каждый кусок хлеба спросят.

Алексей взял. Лепёшка оказалась жёсткой, почти без соли и вкуса, но после нескольких дней деревенской серой каши казалась почти роскошью. Они ели молча, стоя под деревом и глядя на серую сплошную пелену дождя, которая закрывала горизонт.

— Почему ты не забрал меня сразу? — спросил Алексей, когда доел свою половину. — В самый первый день. Мог бы без всяких разговоров.

Жгтун долго смотрел на размытую дождём дорогу впереди.

— Потому что ты искрил. Грязно, слабо, нестабильно, но искрил. А люди, которые начинают искрить именно после настоящего контакта с тем лесом, иногда оказываются... полезными. Или крайне опасными. Или и тем, и другим сразу. Я предпочитаю сначала хотя бы примерно понять, с чем именно имею дело, а уже потом решать — в каменоломни тебя отправить или куда-нибудь ещё похуже.

— А сейчас понял?

— Пока нет. Поэтому ты едешь со мной. И этот твой проклятый обломок тоже. И пока я полностью не разберусь — твой долг висит. Но не давит всей тяжестью. Радуйся пока. Мало кто из таких, как ты, получает подобную отсрочку.

Они снова тронулись в путь.

К вечеру дорога заметно улучшилась и расширилась. Появились первые настоящие каменные верстовые столбы с выбитыми на них цифрами. Вдалеке, ещё за пеленой мелкого дождя и низкими тяжёлыми облаками, начали смутно угадываться очертания высоких каменных стен и островерхих башен.

Вайрден.

Даже отсюда, с расстояния, город выглядел огромным, тёмным, дымным и очень живым. Десятки дымов поднимались в низкое небо. В окнах уже зажигались огни — не привычные Алексею ровные электрические, а живые, мерцающие разными оттенками: синими, зеленоватыми, редкими багровыми.

Вибрация в груди вдруг слабо, но отчётливо дёрнулась. Будто тоже почувствовала приближение большого города и насторожилась.

Жгтун заметил направление его взгляда.

— Большой. Грязный. Вечно голодный. Здесь всё продаётся и всё покупается. Включая людей. Особенно таких странных и искрящих, как ты. Так что советую на первых порах держать рот плотно на замке и свою искру при себе. Пока я сам не скажу иначе.

Алексей молча кивнул.

Лошадь будто почувствовала приближение города и зашагала заметно бодрее. Высокие городские ворота уже были отчётливо видны — массивные, обитые тёмным железом, с горящими по обеим сторонам высокими синими фонарями, которые отбрасывали холодный свет на мутную воду широкого рва.

Жгтун остановил лошадь в нескольких десятках шагов до начала деревянного моста.

— Последний совет на сегодня, — сказал он спокойно, так и не поворачиваясь. — Когда введем внутрь, не смотри никому слишком долго и прямо в глаза. И если вдруг кто-то спросит, кто ты такой и откуда — молчи. Я сам скажу всё, что нужно. Понял?

— Понял.

— Хорошо.

Он слегка тронул лошадь пятками.

Копыта глухо и тяжело застучали по сырым доскам моста. Высокие железные ворота впереди медленно, с низким протяжным скрипом тяжёлых петель начали открываться навстречу.

Алексей сильнее сжал в ладони кусок чёрного металла.

Вибрация внутри него тихо, почти незаметно вспыхнула один-единственный раз — будто кто-то очень далёкий, очень древний и очень голодный вдруг открыл глаза где-то далеко позади и пристально посмотрел именно на этот большой тёмный город.

Им навстречу.

Конец главы 7.

Глава 8. Вайрден

Глава 8. Вайрден

Ворота Вайрдена закрылись за их спинами с тяжёлым, глухим ударом, от которого дрогнул даже широкий деревянный мост.

Алексей даже не успел толком оглядеться. Лошадь Жгтуна сразу круто свернула в узкий тёмный боковой проезд, подальше от главной улицы, где уже в этот час толпился народ. Город ударил в нос сразу и жёстко: дым от сотен печей, мокрая каменная крошка, жареное мясо, кислый запах пива, моча и что-то сладковато-гнилое, поднимающееся из открытых сточных канав. Огни в фонарях были живыми — холодными синими, редкими зеленоватыми, единичными багровыми — и отбрасывали на чёрные от копоти стены дрожащие, живые пятна света.

Вибрация в груди слабо, почти осторожно шевельнулась, будто приюхиваясь к новому, огромному и чужому месту.

Жгтун вёл лошадь уверенно и быстро, нигде не снижая шага. Они проехали два тёмных перекрёстка, свернули ещё раз под низкую каменную арку, проехали вдоль глухой стены и остановились у совершенно неприметной двустворчатой двери в самой глубине узкого мокрого двора. Над дверью не было ни вывески, ни герба, ни даже номера. Только маленький ржавый железный крюк.

Жгтун спешился первым, коротко кивнул Алексею через плечо.

— Слезай. И рот держи на замке, пока я сам не скажу обратного. Здесь каждое лишнее слово может стоить дорого.

Алексей с трудом сполз на скользкую булыжную мостовую. Ноги после долгой тряски в седле слушались плохо и дрожали. Кусок чёрного металла он по-прежнему крепко сжимал в правой руке, спрятав под полую тонкую куртку.

Жгтун подошёл к двери и постучал особым, явно условным образом — три коротких удара, один длинный, потом ещё два коротких. Через несколько секунд дверь слегка приоткрылась, и из полной темноты на них внимательно посмотрели узкие жёлтые глаза без всякого выражения.

— Привёз, — коротко бросил Жгтун.

Дверь сразу открылась шире. Внутри пахло сухой пылью, старым деревом, металлом и чем-то ещё — горьким и лекарственным. Алексей шагнул следом за Жгтуном в полутёмный узкий коридор. Дверь за ними тут же плотно закрыли и с громким скрежетом задвинули тяжёлый железный засов.

Их молча провели вниз по крутой узкой лестнице. Подземелье оказалось на удивление сухим и даже тёплым. В большом низком зале с закопчённым потолком горел только один синий фонарь, висевший на цепи. За длинным тёмным столом сидели трое.

Средний был толстый, полностью лысый, с тяжёлыми полуопущенными веками и короткими толстыми пальцами. Слева от него сидела женщина лет сорока с коротко и неровно стриженными седыми волосами и тонким белым шрамом, пересекавшим верхнюю губу. Справа — очень худой молодой человек с нервными беспокойными пальцами, который без остановки крутил в руках маленький матовый серебряный шарик.

Жгтун остановился ровно в трёх шагах от стола и слегка наклонил голову в знак уважения.

— Должник из Черноречья. Тот самый, про которого я докладывал два дня назад. Искрит. Дошёл до Гнилого Пня и сумел вернуться. Притащил с собой обломок.

Толстый медленно перевёл тяжёлый взгляд на Алексея. Глаза у него были маленькие, тёмные и совершенно неживые.

— Покажи руки.

Алексей молча протянул обе ладони вперёд. Толстый наклонился над столом ближе, но так и не коснулся кожи. Только долго смотрел.

— Слабо. Грязно. Нестабильно. Но есть. — Он кивнул тяжёлым подбородком на кусок металла, который Алексей всё ещё сжимал в правой руке. — А это что за дрянь?

— Из леса. Прямо с места у пня, — ровно ответил Жгтун. — Сильно реагирует на его искру. Я проверил.

Женщина со шрамом через губу впервые заговорила. Голос у неё оказался неожиданно низким, спокойным и очень холодным.

— Опасно. Такие обломки лучше сразу в плавильную печь. Или на самое дно глубокой воды. И чем быстрее, тем лучше для всех.

— Или оставить при мальчике и спокойно посмотреть, что из этого выйдет, — тихо и почти весело сказал худой молодой человек, не переставая крутить серебряный шарик. — Мне лично очень интересно.

Толстый несколько секунд молча постукивал толстым пальцем по тёмной столешнице.

— Долг заморожен, как ты и просил в докладе. Но мальчик остаётся здесь. Под постоянным присмотром. Пока мы окончательно не решим, что именно с ним делать. И с этим обломком тоже.

Жгтун коротко кивнул.

— Я так и предполагал.

Он повернулся к Алексею и посмотрел сверху вниз спокойными светлыми глазами.

— Ты всё слышал. Пока живёшь здесь. Кормить будут. Бегать и прятаться категорически не советую. Город большой, но у этих людей руки очень длинные. И память ещё длиннее.

Алексей молча кивнул. Внутри всё сжалось в один тугой холодный комок. Вибрация слабо, почти незаметно дёрнулась, будто тоже крайне не одобряла происходящее.

Толстый махнул короткой рукой, и из глубокой тени у дальней стены сразу вышел молчаливый человек в серой невыразительной куртке.

— Отведи его. Каморка в самом нижнем ярусе. И смотри, чтобы этот обломок из рук не выпускал ни на минуту. Пока так приказано.

Алексея молча повели ещё глубже вниз по узкой сырой лестнице. Каморка, в которую его привели, оказалась крошечной — голые каменные стены, узкая жёсткая койка с тонким матрасом, железный таз с мутноватой водой в углу и один маленький синий фонарь под самым потолком. Дверь за ним плотно закрыли. Снаружи громко и окончательно щёлкнул тяжёлый засов.

Алексей медленно сел на койку и долго, не мигая, смотрел на кусок чёрного металла в своей ладони.

Вибрация внутри него сейчас была очень тихой. Но он ясно и отчётливо чувствовал: она вовсе не спит. Она просто ждёт. Набирается сил. Прислушивается.

Где-то далеко над ними гудел, дымил и жил своей огромной грязной жизнью большой чужой город Вайрден.

А где-то ещё дальше, за многими вёрстами плохой дороги, в чёрном лесу под корнями Гнилого Пня что-то медленно, тяжело и очень зло поворачивалось в его сторону, ясно чувствуя, что его личная искорка уехала слишком далеко.

Алексей тихо выдохнул через рот и впервые за весь этот бесконечный день позволил себе очень короткую, совершенно безрадостную и сухую усмешку.

— Ну что ж, — прошептал он в пустую каменную каморку. — Добро пожаловать в большой город. Классика жанра.

Он лёг поверх жёсткого матраса, так и не выпуская металл из руки, и закрыл глаза.

Сон пришёл быстро и сразу оказался тяжёлым.

И в этом сне высокие чёрные фигуры уже стояли не у кромки леса.

Они стояли прямо под огромными каменными стенами Вайрдена и молча смотрели на спящий город своими голодными пустыми глазницами.

Конец главы 8.

Глава 9. Нижний ярус

Алексей проснулся оттого, что синий фонарь под потолком резко вспыхнул ярче и начал тихо гудеть.

Дверь каморки открылась без стука. Вошёл тот самый молчаливый человек в серой невыразительной куртке, который привёл его сюда прошлой ночью. В руках у него был простой деревянный поднос: глиняная миска с кашей, кружка мутной воды и толстый кусок почти чёрного хлеба.

— Ешь, — коротко бросил он. — Сегодня тебя заберут наверх. Не опаздывай.

Дверь сразу закрылась. Снаружи снова щёлкнул тяжёлый засов.

Алексей медленно сел на жёсткую койку. Всё тело ныло после ночи на каменном матрасе. Вибрация в груди была тихой, но постоянной — будто кто-то очень далеко продолжал медленно и тяжело дышать ему прямо в затылок. Кусок чёрного металла лежал рядом на полу. За ночь Алексей так и не выпустил его полностью из руки, только во сне пальцы немного разжались от усталости.

Он ел медленно и почти без аппетита. Каша оказалась чуть лучше деревенской — с редкими крупинками чего-то похожего на топлёное сало. Хлеб был плотным, кислым и тяжёлым. Вода отчётливо пахла железом и старой бочкой.

После еды он спустился на пол, прислонился спиной к холодной каменной стене и снова взял металл в ладонь. Вибрация отозвалась сразу — коротко, почти приветливо, будто узнала хозяина. Алексей осторожно, почти робко попытался вызвать искру. Получилось заметно слабее, чем в Черноречье. Свет между пальцами был тусклым, нестабильным и дрожал, как свеча на сильном ветру. Но всё равно продержался почти двенадцать секунд, прежде чем погас.

— Даже здесь ещё работаешь, — тихо прошептал он обломку. — Молодец. Главное — не сдохни раньше меня.

Примерно через час дверь снова открылась. Вошли уже двое. Серый куртка и ещё один, повыше, с короткой жёсткой бородой и тяжёлым немигающим взглядом.

— Пошли, — сказал бородатый без всяких предисловий. — Без разговоров и лишних движений.

Алексея подняли наверх по той же крутой лестнице. В большом зале за длинным тёмным столом сидели уже только двое: толстый лысый и женщина со шрамом через губу. Худого молодого человека с серебряным шариком не было. Жгтун стоял у дальней стены, скрестив руки на груди, и молча наблюдал.

Толстый указал коротким толстым пальцем на низкий стул напротив себя.

— Садись.

Алексей сел. Кусок металла по-прежнему крепко сжимал в правой руке, не скрывая.

— Покажи ещё раз, — сказал толстый.

Алексей молча открыл ладонь. Толстый долго и пристально смотрел на обломок, потом коротко кивнул женщине. Та без спешки поднялась из-за стола, обошла его кругом и остановилась прямо рядом с Алексеем. От неё пахло старым дымом, холодным металлом и чем-то горьким, сильно похожим на полынь.

— Не против, если я проверю? — спросила она совершенно спокойным голосом.

Алексей молча кивнул.

Женщина даже не попыталась коснуться металла. Просто держала раскрытую сухую ладонь над ним на расстоянии примерно одной ладони. Несколько долгих секунд ничего не происходило. Потом её тонкие брови слегка сдвинулись к переносице.

— Живое, — тихо сказала она. — И очень голодное. Оно отчётливо тянется к мальчику. Или мальчик уже тянется к нему. Разницы почти никакой.

— Можно использовать? — коротко спросил толстый.

— Можно. Но цена всегда будет. Такие вещи берут значительно больше, чем дают взамен. Особенно если носитель ещё слабый и неопытный.

Толстый медленно перевёл свой тяжёлый неживой взгляд прямо на Алексея.

— Ты хотя бы примерно понимаешь, где сейчас находишься?

— В подвале у людей, которым я должен крупную сумму, — ровно и почти спокойно ответил Алексей. — И которые пока ещё не решили окончательно, сжечь меня вместе с обломком или оставить на какое-нибудь странное разведение.

Женщина со шрамом чуть заметно усмехнулась одним уголком рта. Толстый даже не дёрнул щекой.

— Почти правильно. Мы не простые коллекторы. Мы те, кому коллекторы вроде Жгтуна работают. Он один из лучших. Ты заинтересовал нас сразу двумя вещами: тем, что сумел остаться в живых после настоящего контакта с пнём, и тем, что притащил этот обломок. Поэтому пока ты живёшь. Тебя кормят. И ты молчишь. Если попытаешься бежать — найдём быстро. Если попытаешься использовать искру против кого-то из наших — ломаем. Медленно. Понял?

— Понял.

— Хорошо. Сегодня тебя проведут по городу. Покажешь на деле, на что ещё способен. Под постоянным присмотром. Жгтун пойдёт с тобой лично.

Жгтун коротко кивнул из-за спины, не меняя выражения лица.

— И обломок берёшь с собой, — добавил толстый уже жёстче. — Пока он остаётся на тебе. Если потеряешь или попытаешься спрятать — пеняй только на себя.

Алексея снова подняли вверх. На этот раз вывели уже через другую, более скрытую дверь — прямо на улицу. Дневной Вайрден оказался ещё громче, грязнее и плотнее, чем ночной. Узкие извилистые улицы, громкие крики торговцев, бесконечный стук железных колёс по мокрому булыжнику, запах жареного лука, мокрой шерсти, дешёвого пива и человеческой вони. Люди толкались плечами, громко ругались, смеялись, плевали под ноги. Никто даже на секунду не обратил внимания на тощего плохо одетого парня в сопровождении двух взрослых молчаливых мужчин.

Жгтун шёл чуть впереди и справа, не оборачиваясь.

— Не отставай. И не глазей по сторонам слишком долго и жадно. Здесь за излишнее любопытство тоже приходится платить. Иногда очень дорого.

Они прошли через шумный утренний рынок, свернули в более тихий и чистый квартал, где дома стояли выше, а камни под ногами были вытерты до блеска. Остановились у небольшого приземистого каменного здания без единого окна на первом этаже. Жгтун коротко постучал костяшками. Дверь почти сразу открыл сгорбленный старик с совершенно мутными, будто залитыми молоком глазами.

— Привели, — коротко сказал Жгтун.

Старик молча кивнул и пропустил их внутрь. Внутри пахло многолетней пылью, старыми книгами, сухой кожей и чем-то кисло-сладким, почти лекарственным. В самом центре низкой комнаты стоял широкий каменный круг с выбитыми по краю сложными знаками.

— Встань точно в середину, — сказал старик Алексею хриплым голосом. — И просто держи обломок в руке. Больше ничего не делай. Совсем ничего.

Алексей шагнул в центр круга. Вибрация внутри него сразу стала заметно громче и плотнее. Кусок металла в ладони слегка нагрелся. Старик медленно, почти торжественно обошёл круг по самому периметру, что-то тихо и неразборчиво бормоча себе под нос. Потом остановился и поднял мутные глаза на Жгтуна.

— Связь есть. Пока слабая, но уже устойчивая. Он тянется туда, откуда пришёл. А то, что там осталось, тянется сюда. Через него. Через этот обломок. Это уже не просто искра. Это полноценный якорь.

Жгтун тяжело нахмурился.

— Насколько это опасно прямо сейчас?

— Настолько, насколько хватит ума и жадности у того, кто решит этим пользоваться, — совершенно спокойно ответил старик. — Мальчик пока ещё держится. Но если связь успеет окрепнуть... лес вполне может прийти сюда сам.

Алексей стоял точно в центре каменного круга и всем телом чувствовал, как вибрация медленно, но совершенно неотвратимо набирает силу. Где-то далеко, за десятками вёрст плоских дорог, под корнями Гнилого Пня что-то тяжёлое, древнее и очень голодное медленно открывало глаза всё шире.

Он тихо выдохнул через сжатые зубы.

— Кажется, — сказал он хрипло и почти спокойно, — оно уже вышло на дорогу.

Старик резко вскинул на него мутные глаза.

Жгтун молниеносно положил руку на рукоять своего короткого клинка.

А за толстыми каменными стенами этого здания, где-то в дальних переулках огромного Вайрдена, впервые за очень много лет кто-то из местных жителей отчётливо услышал низкий, протяжный, голодный звук, который раньше звучал только в самой глубине Чёрного леса.

Конец главы 9.

Глава 10. Якорь

Звук повторился.

Уже не далёкий и приглушённый. Здесь. В самом Вайрдене.

Низкий, протяжный, будто кто-то огромный и очень тяжёлый медленно выдохнул в нескольких кварталах от каменного круга. Старик с мутными глазами резко выпрямился, будто его ударили током. Жгтун уже был у двери, клинок наполовину вышел из ножен. Алексей стоял точно в центре круга и всем телом чувствовал, как вибрация внутри него отвечает на этот звук почти радостно, почти жадно.

— Оно здесь, — тихо сказал он.

Старик посмотрел на него так, будто увидел в первый раз.

— Ещё нет. Но уже очень близко. И идёт прямо на якорь. На тебя.

Жгтун выругался коротко, тихо и крайне грязно.

— Мы выходим. Немедленно.

Он схватил Алексея за плечо мёртвой хваткой и почти вытащил из круга силой. Старик даже не попытался остановить. Только бросил вслед хриплое:

— Не теряйте обломок. Если он останется в городе без носителя... будет гораздо хуже, чем вы можете представить.

На улице уже начинали собираться люди. Кто-то указывал пальцем в сторону восточных кварталов. Кто-то быстро крестился совершенно незнакомым Алексею жестом. Кто-то просто стоял и слушал, широко раскрыв глаза. Жгтун вёл почти бегом, не обращая ни малейшего внимания на чужие взгляды. Алексей едва поспевал, сжимая кусок металла так сильно, что пальцы давно побелели и онемели.

— Ты сказал «оно уже на дороге», — бросил Жгтун через плечо, не снижая скорости. — Насколько это точно?

— Настолько, что я сейчас чувствую, как оно переставляет ноги, — честно ответил Алексей, тяжело дыша. — Большие ноги. Медленные. Но очень уверенные. И их уже много.

Жгтун только ускорился.

Они ворвались обратно в знакомый двор и спустились в подвал почти кубарем, едва не падая на крутых ступенях. Толстый лысый и женщина со шрамом уже стояли посреди зала. Худой молодой человек с серебряным шариком тоже успел появиться — крутил свою игрушку заметно быстрее обычного, пальцы бегали нервно.

— Слышали? — сразу спросил Жгтун, даже не поздоровавшись.

Толстый тяжело кивнул.

— Всё восточное крыло уже стоит на ушах. Городская стража поднята по полной. Пока официально списывают на бродячих тварей из нижних стоков. Но эта сказка долго не продержится. Люди не совсем идиоты.

Женщина смотрела только на Алексея. Взгляд был тяжёлым и очень внимательным.

— Связь окрепла за один-единственный день. Это слишком быстро даже для таких якорей.

— Потому что якорь теперь в большом городе, — тихо и почти весело сказал худой, не переставая крутить шарик. — А большой город — это очень много крови, очень много страха и очень много всего вкусного. Оно почувствовало запах и ускорилось. Логично.

Толстый ткнул коротким толстым пальцем прямо в грудь Алексея.

— Мальчик больше никуда не гуляет. Обратно в каморку. Охрана удвоенная. Обломок из рук не выпускать ни на секунду. Если ночью начнёт рваться наружу слишком сильно — держать до утра любой ценой. Утром будем решать, что делать дальше.

Алексея снова почти силой повели вниз. На этот раз каморку закрыли уже двумя тяжёлыми засовами. Снаружи остались двое молчаливых охранников с короткими дубинками.

Он сел на жёсткую койку и впервые за весь этот бесконечный день позволил себе полноценно, до конца выдохнуть.

— Ну вот, — прошептал он чёрному обломку в ладони. — Я теперь официально городская достопримечательность. Ходячий маяк первой категории. Ещё чуть-чуть — и начнут продавать билеты с экскурсией. «Посмотрите на мальчика, который привёл древнее зло прямо к нашим воротам». Классика.

Вибрация отозвалась короткой тёплой волной. Почти как сухая усмешка в ответ.

Ночь пришла быстро и тяжело.

Алексей пытался спать и категорически не смог. Каждый раз, когда он закрывал глаза, видел уже не Гнилой Пень. Видел длинную, грязную, ночную дорогу, по которой медленно, но неотвратимо шли высокие чёрные фигуры. Их было уже не пять. Не десять. Гораздо больше. И впереди них, ближе к земле, двигалось что-то ещё — ниже, шире, тяжелее и намного древнее. То самое, что раньше крепко спало под пнём.

Оно больше не спало.

Около полуночи вибрация резко, почти болезненно поднялась. Алексей сел на койке как ужаленный. Металл в руке заметно нагрелся. Свет сам собой пополз по пальцам — тонкие сине-фиолетовые нити, ярче и стабильнее, чем когда-либо раньше.

Снаружи каморки сразу послышались тревожные голоса. Кто-то забегал. Потом тяжёлые быстрые шаги по лестнице вниз.

Дверь распахнули без стука и без предупреждения. Вошёл Жгтун. За ним — женщина со шрамом. Оба выглядели так, будто не закрывали глаз ни на минуту.

— Вставай, — коротко приказал Жгтун. — Оно уже стоит у восточных ворот.

Алексей поднялся. Ноги были совершенно ватными, но всё-таки держали.

— Сколько их?

— Достаточно, чтобы ворота больше не открывали, — ровно ответила женщина. — И они даже не пытаются ломиться. Просто стоят. И смотрят на город. Точно так же спокойно и голодно, как вчера смотрели на твою каморку в Черноречье.

Алексей тихо, совершенно безрадостно усмехнулся.

— Значит, я всё-таки официальный маяк. Класс. С детства мечтал о такой впечатляющей карьере.

Жгтун посмотрел на него тяжёлым немигающим взглядом.

— Шутки оставим на потом, если доживём. Сейчас ты идёшь с нами на стену. Покажешь им обломок. Или себя. Или и то, и другое сразу. Нам нужно понять, чего именно они хотят. И можно ли с ними вообще торговать.

— А если нельзя? — тихо спросил Алексей.

— Тогда, — совершенно спокойно сказала женщина со шрамом, — мы очень быстро узнаем, насколько хорошо этот большой каменный город умеет гореть изнутри.

Алексей сильнее сжал кусок металла.

Вибрация внутри него пела уже почти в полный голос — холодно, голодно и очень довольно.

Он коротко кивнул.

— Пошли. Посмотрим, кто из нас сегодня больше удивится

Их быстро подняли наверх, вывели через чёрный ход и повели узкими тёмными переулками прямо к восточной стене. Ночной Вайрден был настороженным, тихим и каким-то сжавшимся. Даже вечные пьяницы куда-то внезапно подевались.

Когда они поднялись на широкий боевой ход стены, Алексей впервые увидел их по-настоящему и целиком.

За широким тёмным рвом, прямо напротив плотно закрытых восточных ворот, стояли чёрные фигуры. Уже не пять. Не десять. Гораздо, гораздо больше. Они стояли идеально ровными молчаливыми рядами, не шевелясь ни на дюйм. А в самом центре, ближе к подъёмному мосту, лежало что-то огромное, тёмное, низкое и тяжело дышащее. С каждым его медленным выдохом вибрация внутри Алексея отзывалась почти настоящей болью.

Жгтун тихо и очень выразительно выругался.

Женщина со шрамом только плотнее сжала губы до белой полоски.

Алексей сделал один шаг к зубцам стены, поднял руку с куском чёрного металла и держал её так, чтобы было хорошо видно.

Все чёрные фигуры одновременно, как по команде, повернули к нему свои пустые лица.

Огромное тёмное нечто в центре построения медленно, тяжело приподняло переднюю часть туловища над землёй.

И очень отчётливо, почти вежливо и узнающе кивнуло.

Прямо ему.

Глава 11. Кивок

Кивок был медленным, тяжёлым и совершенно осознанным.

Огромное тёмное нечто за широким рвом ещё раз слегка качнуло передней частью туловища, будто специально и очень терпеливо подтверждало: да, я тебя вижу. Да, я проделал весь этот долгий путь именно за тобой. Потом оно плавно, почти лениво опустилось обратно к мокрой земле, и все чёрные фигуры одновременно, как по одной неслышной команде, приняли прежнюю идеально неподвижную стойку. Они просто ждали. Терпеливо. Голодно. Без малейшей спешки.

На широком боевом ходе восточной стены Вайрдена воцарилась такая плотная тишина, что даже ночной ветер, казалось, боялся её нарушить. Только где-то далеко внизу, в городе, уже начинали просыпаться первые тревожные крики.

Жгтун первым сумел заставить себя дышать нормально.

— Оно тебя узнало, — сказал он очень тихо, почти шёпотом. — Лично. Без всяких ошибок и сомнений.

— Я заметил, — так же тихо ответил Алексей. Кусок чёрного металла в его руке почти обжигал кожу. Вибрация внутри груди пела на одной высокой, тонкой, почти болезненной ноте, которая отдавалась в зубах и висках.

Женщина со шрамом через губу не спускала глаз с тёмной массы за рвом. Лицо её было абсолютно каменным, только тонкая белая линия шрама чуть побелела.

— Они до сих пор не атакуют. Значит, пока хотят чего-то другого. Или кого-то совершенно конкретного.

Снизу, из ещё недавно сонных кварталов города, уже всё громче доносились крики. Стража бегала по улицам с факелами и короткими копьями, где-то неритмично и истерично били в большой металлический гонг. Вайрден просыпался резко, зло и в полной панике.

— Нам нужно решение, — жёстко сказал Жгтун, всё ещё не повышая голоса. — Прямо сейчас. Либо мы пытаемся с ними говорить, либо пытаемся уничтожить якорь, либо сдаём его им добровольно и начинаем молиться всем богам, каких только знаем, чтобы этого хватило хоть на сутки.

Алексей медленно покосился на него.

— «Уничтожить якорь» — это про меня, я правильно понимаю?

— В том числе, — совершенно спокойно и даже чуть устало ответила женщина. — Ты всё ещё расходный материал. Просто теперь очень дорогой, крайне неудобный и со сложной доставкой.

Алексей тихо, совершенно безрадостно хмыкнул сквозь зубы.

— Приятно наконец узнать свою настоящую рыночную стоимость. С самого детства мечтал стать элитным расходником первой категории. Мечты сбываются, как говорится.

Жгтун бросил на него короткий боковой взгляд, в котором на долю секунды мелькнуло что-то очень похожее на настоящее уважение к чужому чёрному юмору именно в такой момент.

— Хватит болтать. Решаем. И быстро.

Внизу у самых ворот уже в полном составе и полном беспорядке собралась городская стража. Длинные луки, копья, несколько человек с короткими тяжёлыми посохами, от которых шёл слабый нестабильный голубой свет. Но никто до сих пор не решался ни спускать тяжёлый подъёмный мост, ни выпускать первую стрелу.

Алексей сделал ещё один шаг к самому краю зубцов стены. Подошвы ботинок скользнули по мокрому камню. Чёрные фигуры снова слегка качнулись всем строем в его сторону, будто лесной травой под одним ветром. Огромное нечто в центре построения медленно, тяжело при-

подняло то, что с огромной натяжкой можно было принять за голову. Без глаз, без рта, без каких-либо человеческих черт — просто плотная, медленно дышащая тьма.

Вибрация внутри Алексея вдруг резко и очень неприятно изменилась. Она больше не просто пела. Она тянула. Тянула вниз, через широкий ров, прямо к этой древней тьме. Настойчиво. Почти нетерпеливо. Как будто кто-то сильно дёргал его за рёбра изнутри.

Он понял.

— Оно хочет обломок, — сказал он хрипло, чувствуя, как пересыхает во рту. — Или меня. Или оба сразу. Но в первую очередь — саму связь. Якорь. Чтобы больше никогда его не терять.

— Тогда просто отдадим им этот проклятый обломок, — неуверенно и слишком громко предложил кто-то из молодых стражников внизу. Голос заметно дрожал и срывался.

— Нет, — резко и холодно обрезала женщина со шрамом. — Обломок без него почти бесполезен. А он без обломка может стать либо ещё в разы опаснее, либо просто сдохнуть за считанные минуты у нас на глазах. Нам пока нужны оба. И желательно живыми.

Жгтун молчал долго, не отрывая тяжёлого взгляда от тёмной массы за рвом. Потом тихо, почти вполголоса спросил, не поворачивая головы:

— Рен. Ты сейчас чувствуешь, можно ли с ним вообще говорить по-человечески?

Алексей на несколько полных секунд полностью ушёл внутрь вибрации. Она была голодной, неимоверно древней, тяжёлой и... странно, почти по-детски любопытной. Не яростной. Пока ещё не яростной. Просто очень одинокой и очень голодной.

— Можно попробовать, — ответил он хрипло. — Но я совершенно не обещаю, что ответ нам хоть в малейшей степени понравится.

Он медленно поднял руку с чёрным металлом выше над зубцами стены, так чтобы было хорошо видно и фигурам, и тому, что лежало в центре, и сделал то, чего раньше никогда в жизни не делал осознанно и целенаправленно. Не просто вызвал искру. Попытался направить через неё не силу, не удар и не защиту, а чистый, голый вопрос. Простой, почти детский, без всяких украшательств и хитростей:

«Чего ты хочешь?»

Ответ пришёл не словами.

Он пришёл целой тяжёлой картиной. Вернее, целым плотным пластом чужих, очень старых ощущений, которые обрушились на него сразу и безжалостно.

Тяжёлая, сырая, вечная земля. Бесконечные чёрные корни, которые душат и держат. Долгий, очень долгий сон без единого сновидения и без времени. Потом — внезапная, резкая боль, будто кто-то вскрыл землю лопатой. Потом — всепоглощающий, бесконечный голод. Потом — тонкая, яркая, совершенно чужая и живая искорка, которая вдруг зажглась прямо посреди его вечной тьмы. И желание. Огромное, простое, примитивное и абсолютно неотвратимое. Забрать. Присвоить. Сделать своей. Чтобы больше никогда, ни при каких обстоятельствах не возвращаться в полное одиночество и долгий сон.

Алексей пошатнулся так сильно, что колени подкосились. Жгтун успел подхватить его мёртвой хваткой за локоть, иначе он просто упал бы вниз со стены прямо в ров.

— Ну? — коротко и очень жёстко спросил Жгтун, удерживая его.

— Оно одинокое, — хрипло выдохнул Алексей, пытаясь хоть немного отдышаться и не сблевать прямо на зубцы. — И очень, очень голодное. Оно хочет меня. Как... компанию. Или как еду. Или как то и другое в одном удобном флаконе. Разницы оно, кажется, не делает вообще никакой.

Женщина со шрамом тихо и очень выразительно выругалась сквозь зубы.

Внизу кто-то из совсем молодых стражников не выдержал напряжения и нервов. Длинный лук поднялся, тетива звякнула. Стрела с ярко-голубым магическим оперением красиво и

быстро долетела до первой линии чёрных фигур и просто исчезла в тёмном покрове без малейшего звука и вспышки, будто её никогда в природе и не существовало.

Все фигуры одновременно, как один огромный организм, сделали один чёткий, тяжёлый шаг вперёд.

Деревянный подъёмный мост громко и жалобно скрипнул от резкого натяжения цепей.

Огромное нечто в центре построения медленно, тяжело, с отвратительным влажным звуком поползло ближе к самому краю рва. Камни на противоположном берегу чуть сдвинулись под его массой.

Алексей всем телом почувствовал, как вибрация внутри него взвилась почти до настоящего нечеловеческого крика.

— Они больше не ждут, — сказал он хрипло и абсолютно спокойно. — Разговор только что окончен.

Жгтун полностью, одним движением вытащил короткий тяжёлый клинок из ножен.

Женщина со шрамом резко подняла правую руку ладонью вперёд, и на её сухой коже вспыхнул тот самый тусклый, злобный красный огонь, которым она когда-то жгла чёрные фигуры в Черноречье.

Алексей стоял между ними на самом краю стены, мёртвой хваткой сжимал обломок чёрного металла и молча смотрел, как древняя, голодная, одинокая тьма медленно, но совершенно неотвратимо начинает переползать через широкий городской ров прямо к воротам Вайрдена.

Город за его спиной, казалось, затаил дыхание всем своим огромным каменным телом.

А внутри него что-то чужое, ледяное, невероятно старое и очень довольное тихо, почти ласково засмеялось.

Глава 12. Первый шаг через ров

Тьма начала переползать.

Медленно. Тяжело. С влажным, противным звуком, будто огромный кусок сырой чёрной земли сам решил сползти в воду. Камни на противоположном берегу сдвинулись и частично осыпались в ров. Чёрные фигуры синхронно шагнули вслед за ней, ступая прямо на поверхность мутной воды. Вода под ними не плескалась и не расходилась кругами. Она просто темнела, густела и становилась похожей на жидкую смолу.

На боевом ходе стены кто-то из стражников громко и грязно выругался. Несколько длинных луков резко поднялись. Тетивы опасно запели.

— Не стрелять! — резко и очень громко крикнула женщина со шрамом. — Пока я не прикажу! Первый, кто выстрелит без команды, полетит вниз головой!

Жгтун стоял рядом с Алексеем, короткий клинок уже лежал в руке, но пока был опущен остриём к камню. Взгляд его ни на секунду не отрывался от того, что медленно ползло через ров.

— Рен. Если собираешься что-то делать со своей искрой — делай это сейчас. Через минуту будет уже поздно.

Алексей сжимал обломок чёрного металла так сильно, что пальцы давно онемели и побелели. Вибрация внутри него больше не пела. Она кричала. Каждое движение тьмы отдавалось в груди тупой, тяжёлой, почти невыносимой болью, будто кто-то методично бил кувалдой по рёбрам изнутри.

Он глубоко вдохнул холодный ночной воздух и попытался направить искру вниз, прямо к рву. Свет вырвался из ладони тонким, дрожащим, нестабильным лучом и ударил точно по переднему краю тёмной массы. На одну короткую секунду тьма резко отшатнулась, будто от раскалённого железа. Чёрные фигуры качнулись всем строем. Потом всё медленно вернулось на прежнее место. Только теперь тьма двигалась уже чуть быстрее и увереннее.

— Слабо, — тихо и холодно сказала женщина. — Но оно тебя почувствовало. Ещё раз. Сильнее.

Алексей стиснул зубы до боли и повторил попытку. На этот раз он вложил в удар всё, что оставалось. Луч стал ярче и шире, но и отдача оказалась жестокой. Перед глазами мгновенно потемнело. Колени снова подкосились. Жгтун удержал его одной сильной рукой за плечо, даже не поворачивая головы.

Внизу наконец дали первый полный залп. Десятки стрел с ярко-голубым магическим оперением и несколько резких огненных вспышек с боевых посохов ударили по первой линии чёрных фигур. Часть стрел просто исчезла в тёмных покровах без следа. Две или три фигуры дрогнули на месте и начали медленно расползаться густым чёрным дымом. Но на их место сразу же шагнули следующие. Строй не сломался.

Тьма уже заползала на каменный край рва со стороны города. Длинные чёрные отростки медленно ощупывали кладку, оставляя на камне глубокие тёмные пятна.

— Мост! — истошно заорал кто-то снизу. — Режьте цепи! Быстрее!

Тяжёлые топоры с лязгом застучали по толстым железным цепям подъёмного моста. Дерево громко застонало. Мост дёрнулся и начал медленно подниматься, но тьма уже дотянулась до него одним длинным чёрным отростком. Дерево в том месте, где её коснулось, мгновенно почернело, пошло глубокими трещинами и начало сыпаться трухой.

Алексей чувствовал всё это слишком хорошо и слишком близко. Будто сам полз по камням. Будто сам хотел дотянуться до тёплых огней города, до густого человеческого страха, до крови.

— Оно не просто голодно, — выдавил он хрипло. — Оно помнит. Этот город когда-то уже стоял на его земле. Или на земле тех, кто его когда-то закопал сюда.

Женщина со шрамом резко повернула к нему голову. Глаза её сузились.

— Откуда ты это взял?

— Не знаю. Просто... приходит. Вместе с болью. Кусками.

Жгтун коротко глянул на неё поверх плеча Алексея.

— Потом разберёмся. Сейчас — держим ворота любой ценой.

Он одним прыжком спрыгнул с боевого хода вниз, на внутреннюю сторону стены, прямо к воротам. Несколько самых опытных стражников без команд последовали за ним. Женщина осталась стоять рядом с Алексеем наверху.

— Ещё раз, — коротко приказала она. — Сильнее. Пока оно ещё на мосту и не растеклось.

Алексей молча кивнул. Руки тряслись мелко и неотступно. Он поднял обломок уже двумя руками, прижал к груди на мгновение и снова ударил искрой вниз. На этот раз луч получился шире, злее и гораздо стабильнее. Ударил точно в то место, где тьма касалась дерева моста. Чёрная масса резко дёрнулась. Из неё вырвался низкий, почти ультразвуковой звук — не крик и не рёв, а скорее тяжёлый скрежет камня о камень где-то глубоко под землёй.

Фигуры впервые нарушили идеальный строй. Несколько из них шагнули в сторону. Одна даже сделала полный шаг назад.

Но тьма не ушла и не отступила. Она просто стала плотнее, темнее и начала медленно обтекать повреждённое место, как живая смола.

Внизу последние цепи моста наконец лопнули с оглушительным металлическим звоном. Тяжёлое просмолённое дерево рухнуло в ров с чудовищным плеском. Часть тьмы утащило за собой под чёрную воду. Но большая и самая опасная часть уже успела перебраться на городскую сторону.

Первые чёрные фигуры ступили на мокрую булыжную мостовую Вайрдена.

Город заорал по-настоящему.

Алексей стоял наверху на ветру и молча смотрел, как его личный, очень личный кошмар медленно и уверенно растекается по ночным улицам. Вибрация внутри него больше не кричала. Она почти мурлыкала. Сытая. Довольная.

Он тихо, очень устало и совершенно безрадостно выдохнул в холодный воздух:

— Добро пожаловать в большой город, гады. Надеюсь, вам здесь хотя бы немного понравится.

Женщина со шрамом резко схватила его за плечо железными пальцами.

— Нам нужно уходить. Немедленно. Пока они ещё не добрались до нижних уровней и до нас.

— Куда? — хрипло спросил Алексей.

— Туда, где таких, как ты, иногда всё-таки оставляют в живых. Если очень повезёт и если вовремя заткнуться.

Она почти силой потащила его прочь от края стены вниз по узкой лестнице. Внизу уже вовсю слышались крики, лязг оружия, топот сапог и тот самый низкий, протяжный, голодный звук, который теперь шёл уже изнутри самого города.

Алексей на мгновение обернулся в последний раз.

Огромная тьма медленно поднималась всё выше, заполняя собой всё пространство перед бывшими воротами. И среди ровных рядов чёрных фигур он на долю секунды увидел одну, которая смотрела точно на него. И медленно, почти дружески кивнула.

Он отвернулся и позволил себя увести вглубь ночного Вайрдена.

Позади них большой каменный город начинал свою первую за очень долгие годы настоящую ночь древнего ужаса.

А внутри Алексея что-то чужое, ледяное и невероятно старое тихо, почти ласково продолжало смеяться.

Глава 13. Улицы Вайрдена

Глава 13. Улицы Вайрдена

Женщина со шрамом почти волокла Алексея по узким переулкам. За спиной уже вовсю слышались крики, лязг металла и тот низкий протяжный звук, который теперь шёл прямо изнутри города. Вайрден просыпался в ужасе. Где-то без остановки били в гонг. Где-то уже полыхали первые факелы на стенах и крышах.

— Быстрее, — бросила она через плечо. — Пока они ещё не расползлись по нижним уровням.

Алексей едва поспевал. Ноги были ватными, вибрация внутри билась так сильно, что каждый шаг отдавался тупой болью в груди. Кусок металла жёг ладонь. Он ясно чувствовал, как тьма растекается по улицам позади — медленно, уверенно, будто пробует большой город на вкус.

Они свернули в совсем узкий тёмный проход между домами. Здесь почти не было света, только редкие синие отблески дальних фонарей. Женщина резко остановилась у неприметной железной двери и трижды ударила костяшками особым стуком. Дверь сразу открылась изнутри. Их втянули. Засов грохнул тяжёлым железом.

Внутри пахло пылью, машинным маслом и старым железом. Узкий коридор сразу вёл вниз. Алексей понял, что это снова их сеть — коллекторы или кто бы они ни были на самом деле, имели ходы под всем городом.

— Куда мы? — хрипло спросил он.

— Туда, где тебя пока не разорвут на части ни они, ни наши, — коротко ответила женщина. — Если очень повезёт.

Их провели через несколько резких поворотов и спустили ещё глубже. В итоге Алексей оказался в небольшом каменном зале без окон. Горел один тусклый синий фонарь. За длинным столом уже сидели толстый лысый и худой с серебряным шариком. Жгтун вошёл следом и плотно закрыл дверь.

— Ситуация, — сразу сказал он без предисловий. — Восточные ворота потеряны. Тьма внутри города. Фигуры уже в восточных кварталах. Городская стража держится, но недолго.

Толстый тяжело дышал и потёр лысый затылок.

— Якорь?

Женщина коротко кивнула на Алексея.

— С ним. Связь крепнет с каждой минутой. Оно идёт именно за ним.

Худой крутил шарик заметно быстрее обычного.

— Тогда у нас ровно два варианта. Либо используем его как живую приманку и пытаемся загнать тварь в заранее подготовленную ловушку. Либо увозим из города прямо сейчас и молимся, чтобы оно ушло следом.

— Уйдёт, — тихо сказал Алексей. Все сразу посмотрели на него. — Оно не хочет город. Оно хочет меня. Город для него просто удобная дорога с большим количеством еды по пути.

Толстый долго смотрел на него маленькими немигающими глазами.

— Ты теперь слишком много знаешь для простого расходника.

— Привыкайте, — устало ответил Алексей. — Я сам от этого не в восторге.

Где-то высоко над ними глухо грохнуло. Пыль осыпалась с потолка. Вибрация внутри Алексея резко взвилась. Он отчётливо почувствовал, как тьма где-то наверху повернула в их сторону. Будто услышала и узнала.

— Оно близко, — сказал он ровно. — Очень близко.

Жгтун вытащил клинок одним движением.

— Значит, решаем прямо сейчас. Мальчик едет с нами на западный выход. Немедленно. Пока восточная сторона ещё горит и отвлекает основную массу.

Толстый тяжело кивнул.

— Бери кого нужно. И этот обломок. Если потеряете — можете не возвращаться.

Женщина со шрамом схватила Алексея за рукав.

— Пошли. И если снова почувствуешь, что оно слишком близко — говори сразу, без геройства.

Их вывели совсем другим ходом — уже в западную часть города. Здесь пока было относительно тише, но паника уже расплзалась быстро. Люди бежали с узлами и мешками, кто-то тащил детей на руках, кто-то просто стоял посреди улицы и смотрел в сторону востока, где низкое небо уже начинало светиться нехорошим багровым отсветом.

Алексей шёл между Жгтуном и женщиной и всем телом чувствовал, как вибрация тянет его назад. Туда, где тьма. Туда, где его ждут.

Он стиснул металл сильнее до боли.

— Якорь, значит, — тихо пробормотал он. — Всегда мечтал стать туристическим объектом первой категории.

Жгтун коротко хмыкнул без веселья.

— Молчи и иди. Если доживём до утра — потом пофилософствуешь сколько влезет.

Они свернули в ещё один узкий переулок. Впереди уже виднелись низкие западные ворота города. Но Алексей вдруг резко остановился.

Вибрация внутри него изменилась. Она больше не тянула назад.

Она тянула вперёд.

Прямо к воротам.

Он медленно поднял голову.

За низкими западными воротами, в полной темноте за городом, уже стояло что-то большое, низкое и очень знакомое.

Тьма пришла не только с востока.

Она ждала их и здесь.

Конец главы 13.

Глава 14. Западные ворота

Глава 14. Западные ворота

Алексей стоял посреди узкого переулка и смотрел на низкие западные ворота Вайрдена. За ними, в полной темноте за городом, лежало то же самое огромное тёмное нечто. Оно не двигалось. Просто ждало. Чёрные фигуры стояли по обеим сторонам от него ровными молчаливыми рядами, будто почётный караул перед важной персоной.

Вибрация внутри Алексея тянула вперёд так сильно, что ноги сами сделали шаг.

— Стоять, — резко сказала женщина со шрамом и схватила его за плечо железными пальцами. — Не сейчас.

Жгтун уже смотрел туда же. Лицо его было жёстким и сосредоточенным.

— Они перекрыли оба основных выхода. Восточный и западный. Значит, либо знали, куда мы пойдём, либо просто окружают город со всех сторон сразу.

— Ему всё равно, с какой стороны забрать свою игрушку, — тихо сказал Алексей. — Главное — забрать.

Где-то далеко сзади, со стороны восточных кварталов, донёсся новый низкий гул. Тьма там тоже двигалась и расплзалась. Город медленно сжимали с двух сторон одновременно.

Жгтун быстро оглядел переулок, стены, крыши.

— Назад нельзя. Вперёд — прямо к ним в пасть. Остаётся только вниз. В стоки.

Женщина скривилась так, будто у неё заболел зуб.

— Стоки сейчас — это почти верная смерть. Там и без этой древней дряни хватает всего голодного и злого.

— Зато там темно, узко и мокро, — ответил Жгтун. — Им будет труднее расползтись свободно. А нам — хотя бы попытаться спрятаться или проскочить. Другого пути просто нет.

Алексей молча слушал их. Вибрация внутри него теперь разрывалась между двумя направлениями — назад, к востоку, и вперёд, к западу. Обе тянули одинаково сильно и голодно. Голова начинала раскалываться от этого двойного давления.

— Если мы спустимся в стоки, — сказал он хрипло, — оно всё равно почувствует. Оно чувствует меня через камень, через воду и через землю так же хорошо, как через воздух.

— Тогда придётся бежать быстрее, чем оно ползёт, — коротко ответил Жгтун. — Пошли. Время кончилось.

Они резко свернули в ещё более узкий боковой проход между домами. Женщина достала из-за пазухи маленький тёмный ключ и открыла ржавую железную решётку прямо в земле. Из чёрного квадратного отверстия сразу ударил тяжёлый запах сырости, гнили, старой мочи и чего-то ещё, более глубокого и неприятного.

— Добро пожаловать в нижний Вайрден, — сухо сказала она. — Старайся дышать через рот как можно меньше.

Алексей спустился первым. Лестница оказалась скользкой, ступени узкими и стёртыми. Внизу царил почти полная тьма. Только слабый синий свет от фонаря Жгтуна выхватывал из мрака мокрые каменные стены, чёрную стоячую воду под ногами и старые кирпичные своды, покрытые скользким налётом.

Вибрация здесь вела себя иначе. Она стала глуше, но гораздо плотнее. Будто тьма сверху и какая-то другая тьма снизу уже переговаривались через него, используя его грудь как передатчик.

Они шли быстро, почти бегом, стараясь не шлёпать громко по воде. Коридоры стоков вились под городом бесконечной тёмной сетью. Где-то монотонно капало. Где-то в стороне что-то плескалось и шевелилось. Алексей старался изо всех сил не думать, что именно там плескается.

— Как давно эти ходы здесь? — спросил он вполголоса, чтобы хоть чем-то заполнить тяжёлую давящую тишину.

— Дольше, чем стоит сам нынешний Вайрден, — ответила женщина, не обернувшись. — Старые строили поверх руин ещё более старых. А те — поверх чего-то такого, о чём сейчас лучше вообще не вспоминать вслух. Поэтому стоки иногда шевелятся сами по себе даже без всякой внешней тьмы.

Жгтун шёл впереди и молчал. Только иногда резко поднимал руку, останавливая их, и долго прислушивался к темноте впереди и сзади.

Через некоторое время они вышли в более широкий главный коллектор. Здесь чёрная вода доходила уже до середины голени. Воздух был тяжёлым, влажным и почти неподвижным. Алексей чувствовал, как вибрация постепенно усиливается. Не только сзади. Спереди и сверху одновременно.

— Они уже над нами, — тихо сказал он.

Жгтун остановился как вкопанный.

— Знаю. Слышу.

Сверху, сквозь толщу камня, земли и мостовых, донёсся глухой тяжёлый скрежет. Потом — низкий протяжный звук, от которого вода в коллекторе мелко задрожала и покрылась рябью.

— Бежим, — коротко бросил Жгтун.

Они побежали по-настоящему. Вода захлёстывала ноги, стены казались бесконечными и одинаковыми. Алексей чувствовал, как тьма сверху начинает давить вниз всем своим весом, ища его сквозь камень. Вибрация внутри отвечала ей всё громче и голоднее.

Вдруг впереди в полной темноте мелькнуло что-то. Не синий свет их фонаря. Другое. Чёрное, высокое и подвижное.

Жгтун резко остановился и вытащил клинок.

— Сзади тоже, — тихо сказала женщина. Её правая ладонь уже горела тусклым злобным красным огнём.

Алексей обернулся. Позади них, прямо из чёрной воды, медленно поднимались несколько высоких тонких силуэтов без лиц. Впереди, в свете фонаря, было видно то же самое.

Их взяли в клещи даже здесь, под землёй.

Он медленно поднял руку с обломком чёрного металла. Вибрация внутри взревела почти с радостью.

— Кажется, — сказал он хрипло и очень устало, — разговор снова будет коротким.

Чёрные фигуры в воде сделали синхронный шаг ближе.

Глава 15. Стоки

Чёрные фигуры шагнули из чёрной воды одновременно с двух сторон. Вода вокруг них не расходилась кругами — она густела, темнела и становилась похожей на жидкую смолу. Жгтун первым рванул вперёд, короткий клинок сверкнул в синем свете фонаря. Женщина со шрамом резко подняла правую ладонь, и на ней вспыхнул тусклый злобный красный огонь.

Алексей остался стоять между ними. Вибрация внутри него взревела так сильно, что перед глазами сразу поплыли тёмные пятна. Он больше не пытался просто ударить искрой наугад. Он попытался сделать то, что раньше получалось только случайно и в моменты крайней опасности — направить её не прямо в фигуру, а сначала в сам обломок, а уже через него — наружу контролируемым потоком.

Свет вспыхнул заметно ярче обычного. Тонкий, но более стабильный луч ударил в ближайшую фигуру спереди. Та резко дёрнулась и начала расползаться чёрным дымом гораздо быстрее, чем раньше. Алексей почувствовал, как из него одним махом выдернули большой кусок внутренней силы, но на этот раз контроль был чуть лучше. Рука тряслась, колени подгибались, но он сумел удержать поток ещё на целую секунду дольше.

— Сработало, — хрипло выдохнул он, удивляясь собственному голосу.

Жгтун мощным ударом рубанул одну фигуру сзади, женщина сожгла вторую красным огнём. Но их было больше. Из боковых тёмных ответвлений коллектора уже поднимались новые высокие силуэты.

— Нам нужен проход! — резко крикнул Жгтун. — Рен, ещё раз! Быстрее!

Алексей кивнул и попытался сосредоточиться сильнее. Вместо того чтобы просто выталкивать свет силой воли, он попытался почувствовать, куда именно вибрация хочет течь сама по себе, и лишь слегка направить её в нужную сторону. Получилось неожиданно хорошо. Луч вышел шире, ярче и заметно стабильнее. Две фигуры сразу отшатнулись. Одна упала прямо в воду и начала быстро растворяться.

Сил оставалось совсем мало. Ноги предательски подкашивались. Но впервые за всё это время Алексей отчётливо почувствовал, что искра начинает слушаться его чуть лучше. Не как полностью дикий зверь, а как полудикий, которого можно хотя бы немного направить.

— Влево! — резко скомандовала женщина. — Там боковой ход, быстрее!

Они рванули в узкий боковой коллектор. Фигуры сразу последовали за ними. Вода здесь была глубже и холоднее. Алексей споткнулся на скользком камне, но Жгтун подхватил его на бегу одной рукой и почти потащил дальше.

— Не останавливайся. Ещё чуть-чуть.

Сзади раздался тот самый низкий протяжный звук — уже совсем близко, почти над ними. Тьма сверху давила всё сильнее. Камни свода над головой мелко дрожали, осыпая пыль.

Они выбежали в небольшой круглый зал с несколькими тёмными выходами. Жгтун быстро осмотрел каждый.

— Этот, — указал он на самый узкий и тёмный. — По нему можно подняться ближе к западной стене города.

Женщина резко остановилась, развернулась и ударила красным огнём по входу, через который они только что пришли. Камни частично обвалились с грохотом, перекрыв проход почти полностью.

— Это нас задержит ненадолго, — сказала она жёстко. — Бежим дальше.

Алексей бежал следом и одновременно пытался удерживать вибрацию под хоть каким-то контролем. Каждый раз, когда он чувствовал приближение фигур сзади, он коротко, почти наугад ударял искрой назад, не оборачиваясь. Иногда луч попадал и фигура отступала. Иногда

просто рассеивался в темноте. Но с каждым разом контроль становился чуть точнее. Будто тело и эта чужая сила внутри начинали запоминать друг друга.

Они поднялись по крутой скользкой лестнице из чёрного камня. Впереди уже слышался приглушённый шум ночного города — крики, топот множества ног, далёкий лязг оружия. Жгтун выбил верхнюю решётку мощным ударом плеча. Их вытолкнуло наружу в какой-то тёмный заброшенный складской двор на самой западной окраине Вайрдена.

Ночной воздух после стоков показался почти сладким и чистым.

— Живы, — коротко сказал Жгтун, отряхиваясь. — Пока ещё живы.

Алексей опёрся спиной о холодную стену и долго пытался просто отдышаться. Вибрация внутри всё ещё гудела, но уже не кричала так истошно. Обломок в руке заметно остыл.

— Я смог направить её лучше, — хрипло сказал он. — Там, в стоках. Чуть-чуть, но лучше.

Женщина внимательно посмотрела на него сверху вниз.

— Значит, учишься. И довольно быстро. Это либо спасёт тебе жизнь в ближайшие сутки, либо убьёт ещё раньше обычного.

Где-то далеко, со стороны восточных кварталов, снова донёсся низкий протяжный звук. Но теперь ему почти сразу ответил такой же — уже с запада.

Тьма продолжала сжимать кольцо вокруг города.

Жгтун молча вытер клинок о край плаща.

— Нам нужно другое укрытие. Глубже и гораздо лучше защищённое. Иначе до утра мы просто не дотянем.

Алексей медленно выпрямился, оттолкнувшись от стены. Впервые за эту бесконечную ночь он почувствовал не только смертельную усталость и страх.

Он почувствовал злость. Холодную и очень спокойную.

— Тогда ведите, — сказал он ровно. — Я больше не хочу просто бежать и прятаться.

Женщина чуть приподняла одну бровь.

— Осторожнее с такими желаниями вслух. Здесь они иногда сбываются слишком буквально и слишком быстро.

Они молча двинулись вдоль стены двора к следующей неприметной двери. Алексей шёл последним и всем телом чувствовал, как вибрация внутри него постепенно меняется. Она всё ещё была чужой, холодной и голодной. Но теперь в ней появилось что-то ещё. Что-то тонкое, упрямое и начинающее принадлежать именно ему.

Позади, в тёмных стоках, чёрная вода продолжала медленно темнеть и густеть.

А впереди, за следующими стенами и воротами, большой город Вайрден всё ещё горел и кричал.

П.С. от автора: добавляйте в библиотеку и подписывайтесь, очень нужна ваша поддержка! С меня печенки =) Да придёт с вами сила.

Глава 16. Другое укрытие

Они вошли в низкое каменное здание без окон через чёрный ход. Внутри пахло сухой пылью, старым маслом и холодным металлом. Жгтун закрыл за ними тяжёлую дверь и один за другим опустил три мощных засова.

— Здесь продержимся до рассвета, — сказал он. — Если очень повезёт.

Помещение оказалось бывшей мастерской или заброшенным складом. Вдоль стен стояли пустые пыльные стеллажи, в углу была свалена куча старых мешков. В центре на цепи горел один синий фонарь, отбрасывая дрожащие тени. Женщина со шрамом сразу прошла к дальней стене, провела сухой ладонью по камню и что-то тихо, почти беззвучно прошептала. По стенам на мгновение пробежала слабая красная искра и погасла.

— Барьер слабый, но на пару часов должно хватить, — сказала она. — Дальше — как пойдёт и насколько сильно оно захочет нас найти.

Алексей тяжело сел на ближайший мешок и наконец позволил себе разжать сведённые судорогой пальцы. Обломок оставил на ладони глубокие белые вмятины. Вибрация внутри теперь была тихой, но тяжёлой и гулкой — будто после долгого яростного крика осталась только охрипшая, глубокая усталость.

Жгтун прислонился спиной к противоположной стене и молча смотрел на него сверху вниз.

— Ты в стоках ударил заметно точнее, чем раньше. Это уже не случайность и не чистая удача.

— Пытался слушать, куда она сама хочет течь, — ответил Алексей хрипло. — Вместо того чтобы давить на неё грубой силой. Получилось чуть лучше. Чуть.

Женщина села рядом на другой мешок, скрестив ноги по-турецки.

— Значит, резонанс начинает принимать тебя как носителя. Обычно на это уходят месяцы упорной работы. У тебя — считанные дни. Это либо редкий подарок, либо очень быстрый приговор. В нашем деле одно часто оказывается другим.

Алексей тихо, совершенно безрадостно усмехнулся.

— У меня вообще в последнее время всё либо подарок, либо приговор. Иногда и то, и другое в одной красивой упаковке с бантиком.

Жгтун хмыкнул почти одобрительно.

— Юмор у тебя достаточно чёрный. Это хорошо. В нашем деле без него люди сходят с ума гораздо быстрее обычного.

Он достал из внутреннего кармана плоскую металлическую флягу, отпил сам и протянул Алексею. Тот взял. Жидкость оказалась крепкой, горькой и обжигающе горячей. По телу разлилось короткое обманчивое тепло.

— Кто вы такие на самом деле? — спросил Алексей, возвращая флягу. — Не просто коллекторы чужих долгов.

Женщина и Жгтун переглянулись. Молчание повисло тяжёлым и долгим.

— Мы те, кто чистит то, что обычная городская стража и официальные маги Вайрдена предпочитают не замечать как можно дольше, — наконец спокойно сказала женщина. — Древние дыры в земле. Старые забытые печати. Вещи, которые иногда просыпаются после долгих дождей или чьей-то неосторожности. Долги и сбор денег — только удобное прикрытие и постоянный способ финансирования. Настоящая работа гораздо грязнее и опаснее.

— А толстый лысый и остальные наверху? — спросил Алексей.

— Руководство. Они решают, кого оставить в живых для работы, а кого использовать до последнего кусочка. Ты пока находишься в серой зоне. Полезен, но слишком опасен. Поэтому тебя ещё не разрезали на части ради обломка и не бросили твари в качестве приманки.

Алексей медленно кивнул. Информация ложилась тяжело, но была абсолютно логичной. Мир вокруг него становился на один слой понятнее и сразу на несколько слоёв страшнее.

— А лес? То, что спит под Гнилым Пнём?

Жгтун долго смотрел на синий фонарь.

— Старое. Очень старое. Весь этот город стоит на костях того, что было здесь задолго до людей. Иногда кости начинают шевелиться. Обычно мы успеваем заткнуть дыру до того, как она станет слишком большой и заметной. В этот раз не успели. Потому что появился ты и стал живым якорем.

Вибрация внутри слабо, почти узнающе отозвалась, будто услышала своё настоящее имя.

Алексей провёл пальцем по холодному обломку.

— Оно зовёт меня. Не просто как еду. Как... недостающую часть. Или как ключ. Я ещё не до конца понимаю.

— Разберёшься, — коротко сказал Жгтун. — Или сдохнешь в процессе. Третьего варианта в таких историях обычно не бывает.

Они замолчали. Снаружи, сквозь толстые стены, доносились далёкие крики, редкие удары гонга и чей-то истеричный плач. Город всё ещё дрался и умирал.

Алексей закрыл глаза и попытался сделать то, что начал ещё в стоках. Не вызывать искру силой, а просто глубоко слушать вибрацию. Чувствовать её настоящую форму, направление, древний голод. На этот раз получилось заметно чётче. Он отчётливо ощутил, что тьма сейчас расплзается по восточным и западным кварталам, но самый центр города пока ещё относительно чист. И что она ищет не просто кровь и страх. Она целенаправленно ищет именно его.

Он открыл глаза.

— Оно не остановится, пока не получит либо меня, либо обломок. Или оба сразу. Город для него — только временная помеха и удобная дорога.

Женщина серьёзно кивнула.

— Значит, у нас по сути два реальных пути. Либо убрать тебя из города так быстро и далеко, чтобы оно ушло следом. Либо найти способ разорвать или хотя бы ослабить связь. Второе почти невозможно без специальных знаний и артефактов, которых у нас сейчас нет. Первое — крайне опасно и непредсказуемо.

— Есть третий вариант, — тихо сказал Алексей.

Оба сразу посмотрели на него внимательно.

— Использовать саму связь. Не бежать от неё и не пытаться порвать. А попробовать направить.

Жгтун медленно выпрямился во весь рост.

— Ты серьёзно предлагаешь приманить эту древнюю дрянь поближе и попытаться контролировать её через себя?

— Я предлагаю перестать быть просто горящим маяком на берегу, — ровно ответил Алексей. — И попробовать стать тем, кто держит фонарь в собственных руках.

Женщина долго и очень внимательно смотрела на него. Потом тихо, почти без выражения сказала:

— Либо ты редкий гений, либо полный законченный безумец. В нашем деле граница между этими двумя состояниями всегда была крайне тонкой.

Где-то далеко сверху, уже гораздо ближе, чем раньше, снова донёсся низкий протяжный голодный звук. На этот раз он был громче. И явно целенаправленное.

Алексей крепче сжал обломок в ладони.

— Тогда нам всем лучше решить до настоящего рассвета. Потому что оно уже не просто ищет наугад. Оно начинает точно понимать, в каком именно районе города я сейчас сижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.